

Камиль
ЗИГАНШИН

ЗОЛОТО
АЛДАНА

Камиль Зиганшин

Золото Алдана

«Автор»

2023

Зиганшин К. Ф.

Золото Алдана / К. Ф. Зиганшин — «Автор», 2023

РАСКОЛ и РАСКОЛЬНИКИ, – книги о них вызывает неподдельный интерес, ибо это явление – пример необычайной силы духа и многовековой преданности Вере. В романе «Золото Алдана», являющемся продолжением «Скитников», повествуется о драматических событиях в жизни староверческой общины в тесном переплетении с судьбой белогвардейской колонии, образованной уцелевшими участниками Якутского похода армии генерала Пепеляева. Книга написана сочным, живым языком и, благодаря увлекательному сюжету, читается легко, с неослабевающим интересом до последней страницы.

© Зиганшин К. Ф., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	6
Испытание	6
Верные присяге	10
У эвенков	15
Таежный « гарнизон »	23
Прииск «Случайный»	28
Неожиданно пополнение	34
Золотая лихорадка	41
Кораблекрушение	44
Монастырь	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Камиль Зиганшин

Золото Алдана

*Всем православным с почетом
и любовью посвящаю*

Часть первая

Рай там, где вера

Испытание

Отшумела, отцвела весна 1935 года. Минуло шестьдесят пять лет с той поры, как девятнадцать молодых приверженцев древнего православия, оставив Ветлужский монастырь и одолев немеренные, безлюдные пространства, основали в глухомани Забайкалья староверческий скит. Но довольно скоро вынуждены были покинуть его и перебраться ещё дальше, в глушь Алданского нагорья. Здесь, под защитой непроходимых дебрей, отстроив новое поселение, старолюбцы хранили первоисточные устои православия и один из его главных символов – образ Святой Троицы в серебряной ризе, украшенной жемчужной подвеской и самоцветными камнями. Икона та была освящена ещё в 1380 году самим Сергием Радонежским перед битвой на Куликовом поле.

За эти годы упокоились с миром основатели общины, поседели их дети, возмужали внуки, народились правнуки. Почернели стены домов, порос понизу мхом бревенчатый заплот вокруг скита. Но все так же, словно породнившись со временем, у которого нет ни начала ни конца, сияли беловерхие пики Северного хребта, все так же темнели на склоне Западных гор Впадины лазы в запретные пещеры, все так же текла мимо, унося дни, недели, годы, Глухоманка.

Благоденствию скита способствовали царившие в общине редкое трудолюбие, неколебимость в вере, дух согласия и почитание старших. «Та община сильна, где старость в почете», – любил повторять в проповедях наставник Григорий, отличавшийся крайней требовательностью по отношению к себе, и безграничной любовью к насельникам. Он следил за неукоснительным соблюдением всех правил Устава, писанного благочестивым праведником Варлаамом на основе Домостроя¹. Регулярно вносил записи в учётную скитскую книгу, начатую его предшественником, основателем и первым наставником сей общины, Маркелом, в 1873 году.

Помимо сведений о брачевании, рождении и смерти, в неё записывались и иные значимые события происходившие в общине. У него же хранились и труды о врачевании травами пустынножителя Никодима.

На исходе духовитого июльского дня, в канун Иоанна Предотечи, братия, ожидая наставника Григория, собралась у молельни на вечернее правило,. Казалось, ничто не может нарушить сопутствующий всякому летнему вечеру умиротворяющий, льющийся с небес покой, как вдруг земля под ногами вздрогнула. Люди, кто удивленно, кто настороженно переглядывались, как бы спрашивая друг дружку: было то, али поблазнилось? И тут последовали толчки, один сильнее другого. Под конец тряхануло столь изрядно, что всё вокруг пришло в движение: закачалось из стороны в сторону било, стукнула входная дверь, внутри молельни что-то с грохотом упало. Даже могучие кедры замахали патлатыми ветвями. С крутояра обрушился в Глухоманку, подняв волну, пласт земли.

Скитники, крестясь вразнобой, забормотали: «Защити и спаси, святой угодник Никола Чудотворец, укрой и оборони подопечных своих...», «Отче наш! Иже еси на небесех...»

¹ *Домострой – свод житейских правил и наставлений. Составлен в XVI веке при Иване Грозном. Отражает принципы патриархального быта. Известен предписанием строгого домашнего уклада.

Быстрым шагом подошел запыхавшийся наставник. Его голос на фоне всеобщего замешательства прозвучал на удивление спокойно и уверенно:

– Братья, не страшитесь – то землетрясение. Как толчки прекратятся, Бог даст, начнем службу. А пока, Демьян, возьми ребят, и вынесите из избы, на всякий случай, болящую Марфу. Анастасия с Ефимьей уже побежали к ней.

В ожидании «тряхнет, не тряхнет?» мужики нервно теребили бороды, покусывали усы. Прошло с полчаса – толчков не последовало. Успокоившись, осторожно вошли в молельню. То, что они увидели, повергло в ужас – икона Божьей Матери в вызолоченном окладе лежала на полу ликом вниз.

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Беда-то какая! – запричитал седой, как лунь, Тихон.

– Худой знак, похоже, Божья Матерь серчает на нас, – осевшим голосом произнес, не на шутку встревожившийся, наставник. – Кабы беда какая не грянула. Надобно умирительную молитву прочесть... Да поможет нам пречестный Животворящий Крест Господень! – добавил он, бережно поднимая образ Богородицы.

* * *

Поутру Ефимия, спустившись к реке за водой, первой заметила, что Глухоманка поднялась, но значения этому не придали. Обеспокоился народ лишь, когда затопило мостки, на которых бабы стирали белье.

– По-моему разумению, от землетряски где-то реку запрудило, – продребезжал сквозь завесу усов дед Тихон. – Надо бы сыскать помеху да ослобонить проток.

Наставник одобрительно кивнул и велел мужикам обследовать русло.

Шагая по затянутой липкой паутиной береговой тропе, разведчики отмечали, что уровень воды становится все выше и выше. Местами даже деревья подтопило. Но лишь подойдя к створу, через который Глухоманка убегала к Большой Реке, обнаружили причину: высоченный завал, образованный обрушившейся частью створа.

Процесс все еще продолжался: со склона то и дело сыпалась каменистая крошка и даже сорвалось несколько крупных камней, не причинивших никому вреда по чистой случайности. Один из них упав в воду, обдал мужиков зернистыми брызгами.

– Мощно закупурило! Как бы скиту на дне моря не оказаться, – промолвил Матвей, отряхиваясь от воды.

– Типун тебе на язык! Зачем так говоришь. Пошли быстрее к наставнику, – одёрнул его Демьян.

Выслушав разведчиков, встревоженный Григорий отложил лестовку:

– Эка напасть! – сокрушенно вздохнул он. – Что делать будем?

– Может, собор созвать? – предложил Матвей.

– На собор времени нет. Да и сколь ни бей языком о кремень – огня не будет. Вода того и гляди в скит зайдет! Пока не поздно, надобно дома разбирать и на верхний уступ переносить, либо еще чего измыслить, – возразил Демьян.

– А моя Дарья предлагает выйти всем миром да попробовать раскопать тот завал, – вступил в разговор Корней.

– А что, дело говорит! Какой он высоты?

– Самое малое сажень пять, а где-то все семь.

– Не шутейная работа, но, как говорят: глаза боятся, руки делают. Созывайте народ, помолимся и, не мешкая, выйдем.

Вскоре все работоспособное население скита шло к Воротам. Тщательно обследовав завал, установили, что основанием ему служит отколовшийся скальный монолит, легший точно поперек русла, не достигнув, к счастью, противоположного склона. В этом месте створ перекрывала мешанина камней и земли. Было очевидно, что копать траншеею можно только тут.

Солнце уже почти село, но мужики, не теряя времени, принялись за дело, а женщины, разбив становище, готовить еду.

На следующий день, как только первый солнечный луч поцеловал вершины окружавших Впадину гор, и те благодарно просияли, скитники продолжили грузить землю в корзины, выковыривать камни, переносить их на край плотины и сбрасывать вниз. Докучало комарье и слепни. Женщины быстро разложили несколько дымокуров. Волны ветра подбирали сизые клубы и разносили по завалу. Люди кашляли, глаза слезились, но терпели.

Поначалу дело шло медленно. Скучившись в беспорядочную толпу, больше мешали друг другу. Сметливая Дарья предложила выстроиться в две цепочки. Работа сразу зашпорилась. Раскоп ширился и углублялся с каждым часом.

Чем ниже опускалось его дно, тем тяжелее копалось – грунт становился всё плотней. Вопревшие мужики поснимали с себя рубахи-косоворотки и штаны – остались только подштанники да тельные пояски². Пытаясь поднять обкопанную глыбу, Демьян так напрягся, что портки лопнули в самом неподходящем месте. Мужики застонали от хохота, а смущенные женщины густо покраснели и стыдливо отвернулись.

– Чего скалитесь, кони стоялые? Подсобили б лучше, – огрызнулся Демьян.

Этот конфуз махом приподнял настроение утомившимся людям. Работа пошла веселей.

За три дня удалось прокопать довольно глубокую траншею – не менее четырех саженьей. Глубже не получалось: нижние камни вмяло в грунт столь плотно, что их даже не пошевелить.

Вода все это время поднималась и наутро, курчавясь мелкими воронками, хлынула в рукотворный канал. Затопление остановилось. Наставник, работавший наравне с братией, тут же на плотине, радостно целуя землю, воспел благодарения Спасу и Матери Его Пресвятой Богородице. После чего все помылись в речке и отслужили молебен с земными метаниями. Люди ликовали. Еще бы – спасли скит!

Корней обнял Дарью:

– Какая ты у меня умница!

Женщина просияла и легонько прижалась к мужу.

Уже тринадцать лет, как живут они вместе. Дарья с годами хоть и пополнела, красоты не утратила. Спина прямая, шея лебединая, подбородок держит высоко. Всех восхищала ее царственная осанка, изящный профиль, а в особенности походка. Ходила Дарья не так, как другие. Она не шла, а как бы несла себя ровно, неспешно. Со всеми была проста и приветлива, не чуралась работы, даже самой грязной и тяжелой.

* * *

Уже в следующую весну на богатом кормами мелководье, усыпанном множеством островков, устроили гнездовья множество гусей и уток. Воздух звенел от их надсадных криков до тех пор, пока птицы не сели высидывать потомство.

В середине лета, когда у гусей началась смена пера – линька, их ловили голыми руками. Тут уж не зевай – коли успеет гусь выправить перо, он не твой. Двигаясь цепью и крича во всю мочь, загоняли птиц в заранее расставленные сети. Таким способом удалось заготовить столько гусей, что мяса хватало на всю зиму.

Не сразу, по прошествии трех лет, рыбы в разлившейся Глухоманке стало ещё больше.

– Славны дела твои, Господи! – восхваляли люди Создателя за щедрость и корили себя за умственную скудость, не позволившую сразу оценить, какие достоинства таило в себе возникновение обширного мелководья.

«Верно писал блаженный Августин: «Бог никогда не попустил бы зла, не имея намерения обратить его в добро» – заключил наставник.

² С пояском, свитым из ниток, старообрядцы не расстаются со дня крещения, ибо считают, что человек без пояса всё равно что без креста.

Через год уровень воды стал постепенно понижаться и за лето упал на полторы сажени. К счастью, это не повлияло на численность птицы и рыбы. Их развелось к тому времени столько, что хватило бы прокормить ещё пару таких скитов.

Причину нового каприза Глухоманки выяснила вездесущая ребятня, ходившая удить рыбу к Воротам. Оказывается, речка, промыв в известняке проток, ушла в подземное русло, выходя, как много позже узнали скитники, мощным ключом прямо со дна Большой Реки. Старое же русло Глухоманки ниже Ворот с десятками мощных порогов обнажилось и превратилось в сухую ленту из череды громадных валунов и каменных уступов.

Верные присяге

Настало время познакомить читателя с обитателями, выросшего в семидесяти верстах от скита, небольшого поселения. Для этого нам придется на время вернуться в август 1922 года...

Исковерканный колеями, копытами и сапогами Охотский тракт после затяжных дождей за ночь подветрило. Лошади шли ходко, хотя и тянули вполсилы. Объезжая обоз из конца в конец, краснолицый ротмистр Пастухов окидывал его беспокойным взглядом маленьких зеленых глаз и то и дело поторапливал:

– Побойчей, братцы! Запаздываем. Коли к вечеру догоним голову, всем по чарке выдам! – при этом выразительно хлопал по притороченной позади седла суме.

Его щедрость была объяснима. Обоз отстал от головного отряда из-за его кобылы Фроси. Та ожеребилась прямо на марше. А полковник Степанов еще в Охотске³ всех предупредил: «Брюхатых в поход не брать». Да как оставишь боевую подругу чужим людям в столь ответственный момент? Седьмой год служила она ему верой и правдой и ни разу не подвела! Ново-рожденного сосунка пристроили на кошме за ящиками с патронами в конце обоза.

Передней подводой правил здоровущий бородач – Иван Дубов. На нем шинель Забайкальского казачьего войска с желтыми погонами, туго перетянутая портупеей с шашкой, на лобастой голове – темно-зеленая фуражка с желтым околышем. Черная борода такая пышная и дремучая, что в ней тонули не только губы, но и глаза. Этот тридцатидвухлетний казак обладал такой недюжинной силой, что в рукопашном бою штыком и прикладом уложил четверых германцев и, взвалив на себя трофей – тяжеленный станковый пулемет, принес его в свои окопы, за что и получил орден Святого Георгия, которым очень гордился.

Рядом с ним, положив драгунку на колени, сидел односелец: бравый казак Федот Шалый: пухлощекый, с оспинками на лице. Тоже с бородой, но пожиже, вихрастым белокрысым чубом, упрямо выбивавшимся из-под щегольски сдвинутой набекрень фуражки с треснувшим козырьком. Что-то подкупающее было в его задорной улыбке. Оба – потомки семейских⁴ староверов – одних из первых переселенцев на мерзлые земли Восточной Сибири. Их предки уже больше двух веков жили в этих размашистых краях.

Глухая, непроходимая тайга, могучие хребты, увенчанные снежными гребнями, вздымавшимися до самых небес, перекрывавшие путь из матерых российских земель к Тихому океану, делали эти земли почти недоступными. Но перед упорством и выносливостью казаков-землепроходцев, неудержимо торивших дороги на восток, ни горы, ни чащоба не могли устоять. Они даже умудрялись волоком перетаскивать тяжеленные струги через крутые горные перевалы.

Прокладывали по берегам рек дороги. Ставили избы, раскидывая селения. И гордость за ширящееся Отечество была для этих бесстрашных людей практически единственной наградой за неимоверные испытания, которые выпали на их долю в те давние времена на пути к Ламскому⁵ морю.

– Ну и дорога! Навроде нашей нонешней жизни: разбитая и покалеченная, – бубнил в бороду Дубов, сворачивая сигарку.

³ Охотск – патриарх русских городов на Дальнем Востоке. В прошлом отправной пункт всех тихоокеанских экспедиций. Заложен в 1649 году. Отсюда мореплаватели уходили на Аляску, Чукотку, Русскую Калифорнию, Командорские, Курильские и Алеутские острова, форт Росс. Как порт был неудачным местом из-за отсутствия глубоководной, закрытой бухты. Поэтому в 1846 году порт-факторию перенесли в. Аян, где был защищенный залив (Аян в переводе с якутского означает – путь).

⁴ Семейские – так называли десятки тысяч старообрядцев-беспоповцев переселенных целыми селениями в три этапа в XVIII веке из Речи Посполитой (Гомельской области) за Байкал. Эта «выгонка» особенно активно велась во времена правления Екатерины Великой с целью защиты восточных границ России от посягательств Цинской империи. Семейские привнесли в этот край высокую культуру земледелия.

⁵ Ламское море – старое название Охотского моря.

– Эт ты, Вань, верно подметил. Что жизнь, что дорога одинаково порушены... Дай чуток дымнуть!.. Мстится мне, что в пятнадцатом году тракт куда лучше был.

– Ты-то откель знашь?

– Мобилизованных в Охотск дважды к пароходам сопровождал. Да и к деду, что на Карaulьном начальствовал, с отцом ездить доводилось, – произнёс Федот, то и дело настороженно поглядывая на хмаристые тучи, толпившиеся над хребтами. Их вершины уже укутаны самыми брюхатыми из них. Оттуда тянулись к земле косые мутные завесы.

– Коли дождь сызнава затеется, худо нам придется, – добавил он и, с блаженством вобрав через нос воздух, остро пахнувший кисловатым конским потом, соскочил с козел и зашагал рядом с подводой размять затекшие ноги.

Тракт, пролежавший по гребню увала, упершись в отрог, стал спускаться вдоль ключа. Обоз должен был выйти на обширную падь, где до 1906 года располагался казачий пост «Карaulьный камень» с постоянным двором – желанным и гостеприимным приютом для проезжавших здесь путников. Назвали его так, по всей видимости, от того, что пост прилепился к шербатому утесу, по бокам которого торчали, будто часовые, каменные останцы. С 17 вплоть до середины 19 века, когда Охотск был основным портом на восточных рубежах России и опорной базой всех экспедиций, тут кипела жизнь, а сейчас от него осталось несколько полуразрушенных строений.

Падь обрамляли громады угрюмых хребтов. Глядя на них, Дубову вдруг захотелось, забыв о войне, стать птицей и улететь туда. Сесть на вершину самого высокого пика и, смотреть на бугристые швы кряжей, узорчатую вязь долин и медленно ползущий по тракту обоз с высоты.

Внезапно тишину нарушила отдалённая дробь пулеметных очередей и шквал беспорядочной стрельбы. Колонна встала. Лошади беспокойно запрядали ушами. Казаки напряженно вслушивались и, с тревогой осматриваясь, то и дело бросали вопросительные взгляды на ротмистра.

Тот соскочил с лошади, и успокаивающе погладив норовистую кобылу, быстрым шагом направился к крытой повозке. На ходу снял фуражку с белой офицерской кокардой и вытер платком, пропахшим конским духом, капельки пота с громадной лысины, окаймлённой пушистым венчиком волос. Подойдя к повозке, надел фуражку и зачем-то спустил на подбородок ремешок, расправил широкие, немного вислые плечи и, вытянувшись по стойке смирно, обратился к начальнику штаба – подполковнику Лосеву Олегу Федоровичу, оказавшемуся в обозе по причине внезапной лихорадки. Выслушав его распоряжения, вскочил на лошадь и вполголоса скомандовал:

– Слушай приказ начальника штаба. Сворачиваем в распадок. Ехать след в след по одной колее. Морды лошадям стянуть, не курить, не разговаривать!

Когда с тракта съехала в лес последняя подвода, ротмистр с казаком Шалым, пятясь, присыпали следы от колес трухой из листьев и травы. Прodelали они это столь искусно и тщательно, что уже и самим не разобрать было, где же проехали телеги.

Сгрудившись за каменным развалом, отряд замер в томительном ожидании – что дальше? Пальба прекратилась и установилась такая тишина, что было слышно позвякивание конской сбруи и чмокание жеребенка, припавшего к вымени матери.

Тут уже сам Лосев, собравшийся перед опасностью, словно тугая пружина, встал на передок повозки и, слегка приглушив голос, распорядился выставить дозоры, а опытных следопытов, Дубова и Шалого, отправил в разведку.

Обветренное, безукоризненно выбритое лицо подполковника, с серыми, слегка навывкате глазами, высоким лбом, острым с горбинкой носом и тонкими губами хранили спокойствие. А скупые и точные, несмотря на болезнь, движения выдавали в офицере твердого и бесстраш-

ного воина. На нем была подбитая беличьим мехом и крытая тонким сукном защитного цвета бекеша с каракулевым воротником.

Потянулись минуты томительного ожидания. Всякий раз, когда от порывов ветра начала перепугано лепетать листва, люди настораживались и до звона в ушах вслушивались.

- Ку-ку, ку-ку, ку-ку (не стреляй, свои), – подала, наконец, парольный голос «кукушка».
- Ку-ку, ку (понял, проходи), – ответила другая.

Из густого ельника вышло пять человек. Впереди казаки, за ними – трое офицеров. Старший по званию, загорелый, довольно высокий, с гвардейской выправкой, в кителе с изрядно потускневшими золотыми погонами, со скрученной бледно-серой шинелью через плечо, штабс-капитан Тиньков Николай Игнатьевич, подойдя к Лосеву, резко вскинул руку к козырьку:

– Здравия желаю, господин подполковник! Разрешите доложить, – густым рокочущим басом обратился он.

– Докладывайте, только потише.

– При подходе к Караульному камню попали в засаду. Красные фланговым огнем из пулеметов всех положили. Только мы втроём, я, мичман Тёмный и юнкер Хлебников, успели укрыться за буреломом. Поднимаясь в горы, встретились с вашими разведчиками.

– Как, много красных?

– Точно сказать затрудняюсь. Судя по плотности огня, человек сорок-пятьдесят.

– Так, нас семнадцать... Маловато... Что с полковником Степановым?

– Убит. По нему первому и били.

Лосев снял фуражку, стиснул кулак так, что пальцы побелели и перекрестился.

– Простите, господин подполковник, забыл доложить. Казак Дубов видел среди красных Хохлова – денщика полковника.

*Юнкер – курсант военного училища.

Лосев нахмурился:

– Вот паскуда! А врал, что занедужил. Теперь ясно, почему перестреляли, как щенят... Сие в корне меняет дело... Хохлов ведь знает, что следом идет обоз с провиантом и боеприпасами – сам подводы комплектовал... Ситуация непростая, а действовать надо быстро. Вижу два варианта. Первый – возвращаемся в Охотск, а там по обстановке. Второй – спускаемся по ключу к речке Юдома и по ней сплавливаемся до Аянского⁶ тракта. Там ожидаем дружину генерала Пепеляева. У вас, штабс-капитан, какие соображения?

– Возвращаться – позорно. Полагаю, вариант с Юдомой оптимальный.

– Я тоже склоняюсь к нему – Юдома рядом. Если поднажать, на тракт дней за пятнадцать выберемся. Но уйти, не отомстив за товарищей, – постыдно для офицера.

– Оно, конечно, так, однако ж силенок маловато...

– Согласен, но можно прибегнуть к военной хитрости. – Подполковник, преодолевая озноб, поежился и поплотнее запахнул бекешу. Переведя взгляд на Пастухова, сказал: – Господин ротмистр, подойдите, вместе обсудим... Что мы имеем? В версте от нас отряд красных, минимум в два раза превосходящий по численности. Вопрос – как меньшим числом совершить акт возмездия?

Ротмистр снял фуражку и по привычке протер лысину:

– Красные нас, наверняка, поджидают. Скорей всего, на том же месте. Сейчас, должно быть, с поляны убитых убирают, чтоб нас не спугнуть. Думаю, до вечера подождут, а с утра сами начнут разыскивать – основной-то груз у нас. Так давайте поможем им. Вернемся назад,

⁶ *Якутско-Аянский почтовый тракт, прежде основной, захирел после продажи Аляски и прекращения деятельности Российско-Американской компании в 1867 году.

в ущелье, что недавно прошли. Оставим повозки на виду, а сами сверху в скалах заляжем. Лошадей выпряжем

и в лес уведем. Как только красные зайдут в теснину, так огнем из пулеметов покосим. Надо только создать видимость, будто обоз разграблен, чтобы безбоязненно подошли. Набьем несколько казачьих гимнастёрок и брюк травой и раскидаем «куклы» вокруг телег – вроде как убитые лежат. Пару подвод распотрошим, крышки с ящиков сорвем. Одну лошадку, для убедительности, придется пристрелить. На такую заманку, думаю, клюнут!

Подполковник слушал, одобрительно кивая головой:

– Щеки – западня надежная, ни один не уйдет. Сколько до ущелья отсюда?

– Верст пять, не боле.

– Всего-то час ходу! – В предвкушении мести Лосев даже звонко щелкнул пальцами и, повернувшись к штабс-капитану, приказал:

– Как можно тише разворачиваемся и идём к ущелью.

* * *

В ожидании скорого боя Шалый, поглаживая смазанный и начищенный пулемет, то и дело поглядывал на дорогу. Дубов заправлял патронами одну ленту за другой. Их возле него лежало уже пять.

Наконец из-за поворота появился отряд красных конников. Разговоры в засаде прекратились сами собой. Лица стали серьезные, сосредоточенны, в глазах – твердая решимость. Тихо, только ветерок слегка шелестит в кедровых лапах.

Увидев стоящие в беспорядке подводы и лежащих в траве «убитых» казаков, красноармейцы остановили лошадей, сдернули с плеч винтовки. Передние всадники, боязливо поглядывая по сторонам, направились к обозу. Когда один из красноармейцев подъехал к телу «убитого» казака и слегка свесился с лошади, Лосев рывкнул: «Огонь!» Скалы ответили на команду звонким треском пулеметов и сухими щелчками винтовок. Стреляли почти без промаха, по заранее выбранным целям. Тиньков поймал в прицел ручного пулемета «Шоша» искажённое страхом лицо Хохлова. От выпущенной очереди голову предателя буквально разнесло на части.

– Собаке собачья смерть! – мстительно прокричал, разинув оправленный узкими усиками и аккуратной бородкой рот, разлютовавшийся штабс-капитан и поймал на прицел следующего, метнувшегося в лес.

Земля от пуль покрылась клубками пыли. Некоторые успели укрыться от смертоносных струй за камни и стали отстреливаться. Вот затих, даже не вскрикнув, казак рядом с Лосевым. Помянул недобрым словом матушку раненый в плечо Шалый. Пули все чаще цвилькали по камням.

– Гранаты! Кидайте гранаты! – скомандовал подполковник и, сняв чеку, метнул свою. Прогрели один за другим взрывы, и в ущелье установилась нереальная после пальбы и взрывов тишина...

Из пакета, найденного в сумке одного из убитых, по всей видимости, командира, узнали потрясшую всех новость – повстанческая армия корнета Коробейникова разгромлена, а из Якутска в Охотск идут два красных эскадрона и начальнику Аллах-Юньской заставы Ивару Райнису приказано в кратчайшие сроки зачистить закрепленный за ним участок тракта от остатков белых.

* * *

Лосеву, лично руководившему боем и пролежавшему на холодных камнях больше часа, на следующий день стало совсем худо. Ротмистр убедил его забраться в крытую подводу и заботливо укутал полушубками. Но подполковника трясло даже под овчиной. Когда приступ лихорадки ослабевал, Лосев в мыслях возвращался к неожиданному известию о разгроме двухтысячной армии Коробейникова.

Как могло такое случиться? В Охотске отважный корнет успел стать кумиром горожан. Еще бы – сумел собрать такое крупное соединение и освободить от красных почти всю Якутию! Рассказывали, что поначалу у него был небольшой отряд, состоявший из одних кадетов и юнкеров. Разбив летом 1921 года красных на Мае, они захватили сорок тысяч пудов провизии и боеприпасов. Это позволило принять новых добровольцев и в короткий срок стать значительной военной силой. За несколько месяцев вся область перешла под контроль их армии. Красные удержались только в областном центре – Якутске.

Весной 1922 года в Охотск от Коробейникова пришла радиограмма: «Уничтожен арьергард красного экспедиционного корпуса зпт идущий из Иркутска на подмогу большевикам тчк. Для их окончательного разгрома просим помощи кому дорога судьба России тчк».

Полковник Степанов, царствие ему небесное, и он – Лосев, откликнулись одними из первых: долг офицера не позволила им сидеть сложа руки. Собрав добровольцев, они спешно вышли в Якутск, и на тебе: повстанческая армия разгромлена. Научились красные воевать... Ничего, Пепеляев задаст им перца! Грамотный, опытный командир. И пуля его не берет – говорят, заговоренный. Не проиграл ни одного боя, а сколько блистательных побед! Пермь в 1918 году с ним взяли почти без потерь! Тогда для армии Колчака открылась дорога на Москву. К сожалению, в это время по всей Сибири усилились бунты крестьян, рушился, зараженный мздоимством интендантов и зверствами разномастных банд, тыл. Учитывая эти обстоятельства, Колчак не решился пойти на первопрестольную...

Оживление в голове колонны отвлекло Лосева от воспоминаний: обоз вышел к реке Юдома. Два дня ушло на то, чтобы напилить сухостоин, связать из них плоты. Низкое, серое небо, видимо, жалея путников, так и не распахнуло свои затворы для дождя. Даже, напротив, – снопы солнечных лучей временами пробивались в редкие разрывы и подбадривали живительным светом.

До Усть-Юдомы, откуда начинался сухопутный переход на Аянский тракт, сплавились с единственной потерей – на мощном прижиме один из плотов вздыбилось и в воду съехало два ящика с патронами.

Когда отряд подполковника Лосева добрался до села Усть-Миле, стоящего прямо на тракте, из Аяна прискакали братья Сивцовы – хозяева самых крупных табунов в округе. Они были в приподнятом настроении: дружина Пепеляева уже десантировалась с двух пароходов в Аяне и Охотске и готовилась выступить на Якутск. Им помогают обиженные купцы, кулаки, тойоны⁷, оленеводы, недовольные принудительной кооперацией. Активизировались и почуввавшие возможность прийти к власти эсеры.

Перед братьями была поставлена задача: до подхода Пепеляева собрать в Усть-Миле табун из двухсот верховых лошадей с упряжью для кавалерийских эскадронов (транспортных оленей в дружине было достаточно – тунгусы дали) и развезти по трактовым станциям фураж, попутно скупая зимнюю одежду: полушубки, малицы⁸, унты.

«И в самом деле, всё удачно складывается, – воспрял духом подполковник. – Хозяйка в тесто кладет немного дрожжей, а оно вздымается. Так и дружина генерала по дороге еще обрстет сторонниками и, как уже на Руси не раз бывало, превратится в непобедимое народное ополчение. С Пепеляевым мы всех одолеем!..»

⁷ *Тойоны – князьки (главы родов).

⁸ Малица (кухлянка) – глухая (нераспошная) одежда из оленьих шкур мехом внутрь и пришитыми рукавицами и капюшоном, надеваемая через голову. В сильные морозы надевают двойную малицу: одна мехом внутрь, вторая мехом наружу.

У ЭВЕНКОВ

У Корнея с Дарьей подрастало двое справных, работающих сыновей: Изосим и Паша. Старшему, Изосиму, шел четырнадцатый год, а младшему минуло восемь.

Когда дед Елисей с бабкой Ольгой ударялись в воспоминания о жизни в стойбище, в котором она выросла, а чуть живой от обморожения дед, тогда молодой парень, впервые увидел ее, Изосим замирал: слушал, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Он давно мечтал попасть в те места и окунуться в кочевой быт оленных эвенков. Его волновало все новое, неизвестное. Таким уж уродился по Божьему замыслу. (Паша же к этим рассказам был равнодушен.)

Изосим исподволь стал подговаривать родителя сходить проведать кочевую родню. Корней, и сам истосковавшийся по простодушным, гостеприимным родственникам, обещал, но всякий раз возникали неожиданные препятствия: то ветром у кого крышу завалит, то кому баню надо помочь обновить, то дрова заготовить. Да мало ли в хозяйстве дел.

Разрешилось все зимой и самым неожиданным образом.

В скиту, буквально потонувшем после многодневной вьюги в снегу, – зАмьть доходила до верха заплота, – всюю праздновали святки⁹. Парни и девушки после обеда собирались на берегу Глухоманки на игрища, во время которых молодняк присматривал себе пару. Играли в снежки, барахтались в сугробах, съезжали с ледяных покатушек. Ребята нарочно опрокидывали санки на спуске и как бы нечаянно прижимались к приглянувшейся девице.

А вечерами на утопанной полянке у ворот, под приглядом старших, водили хороводы, сопровождавшиеся кружковыми песнями. Большинство из них имело поцелуйную концовку. По кругу двигались неторопливо, чтоб не нарушать запрет на плясания.

В это самое время к скиту подъехал дядя Корней – Бюэн, крепкий, несмотря на свои шестьдесят лет, эвенк со смуглым, прокаленным морозом лицом. На нем чем-то инородным смотрелись опущенные белым инеем густые брови и ресницы. За спиной болталась старенькая бердана 28-го калибра. Сильно поношенная меховая парка и потертые штаны из сыромятной кожи говорили не о бедности, а о том, что этот человек не придает значения своей одежде.

Приехал Бюэн со связанными друг с другом ременными поводками быках. Три из которых были комолыми – уже сбросили рога до весны. На первом – сам, второй с вьюками, в которых палатка, меховой спальный мешок, продукты, котелок, чайник. И два оленя с тяжелыми сумами.

Молодежь как ветром сдуло: умчались в скит известить о чужаке. Бюэн, не обращая внимания на яростный лай собак, спешил, потянулся, разминая суставы. Калитка отворилась, и к нему вышли бородатые мужики.

– Дорова, Елисей! Узнавал? Это я, Бюэн. Ты не ехал, сам ехал. Гостинцы привез, соль привез. Бери, видишь – много готовил, – с трудом двигая замерзшими губами, проговорил эвенк, указывая на навьюченных оленей.

Елисей, признав шуряка, с радостными возгласами обнял его. Отправив Корнея за матерью, сам побежал к наставнику испросить дозволения принять гостя. Григорий помялся немного, но не отказал. Когда вернулся, счастливая Ольга уже висела на шее брата:

– Рассказываё, как в стойбище дела?

– Плохие вести. Отец ушёл к верхним люди.

Ольга перекрестилась:

– Господи, когда же?

– Скоро два года. Хорошо ушёл. Не болел. Сразу ушёл.

⁹ Святки – период от Рождества Христова (7 января) до Крещения (19 января).

– Вечером помолимся за упокой его души.

Корней тем временем освободил уставших животных от вьюков и увел их на малоснежную сторону заплота в ельник. Олени тут же обступили деревья и стали жадно отрывать сильными губами свисающие с ветвей космы лишайника.

Кочевника провели в дом, усадили за стол. Изосим, много слышавший о бабанином брате, с интересом разглядывал его. Темные, как безлунная ночь, волосы, слегка побеленные изморозью седины, спадали на широкие плечи, отчего голова напоминала чум.

Хотя Бюэн не очень хорошо изъяснялся на русском – подзабыл, с помощью Ольги узнали, что эвенкийской родне срочно требуется помощь: оленей в их стаде косила таинственная болезнь – каждый день умирало два-три орона.

– Шаман камланил – олень все равно умирай. Корней – сильный шаман, хорошо лечил.

Елисей с Ольгой понимали, что значит роду остаться без стада. Олень – главный кормилец эвенка. Неприхотливый к пище (мхи, трава, лишайники), он, к тому же, непревзойденный ходок по бездорожью. Для него не страшны ни снег, ни болотистые мари – выручают необычайно широкие копыта. Шея, из-за густой гривы, кажется непропорционально толстой, ноги довольно короткие. Это придает северным оленям немного неуклюжий вид. Однако, эти животные способны и на стремительный галоп.

– Спасать надо оленей! – произнес Елисей. – Агирча говорил: «Жив олень – жив эвенк». Пойду к Григорию просить. Ты, сынок, пока собирайся.

– Верно понимай. Твоё слово сладко. Олень умирай – мы все умирай. Олень кормит, греет, возит, – радостно закивал Бюэн.

– Тятя, испроси дозволение и на Изосима, – крикнул вдогонку Корней.

Выезжать следовало как можно быстрее. Для спешки была еще одна причина: Бюэн стоворился с топографами, работавшими прошлым летом в их районе, пригнать к устью реки Быстрой к 15 марта шестьдесят оленей и девять нарт. Из них четыре грузовые. И оттуда вести отряд со снаряжением и продуктами на север, к Пикам – месту полевых работ. Бюэн обещал работать с партией весь полевой сезон (управляться с оленями, кашеварить и смотреть за лагерьем, когда топографы будут на съемке местности).

Через час все было готово к отъезду, но по настоянию самого же Корнея задержались, чтобы в полночь, на Крещение, набрать из проруби святой воды.

Груз разложили в кожаные сумы. То что предназначалось для лечения оленей: мешочки с травами и корешками, мази, дедовы лечебники, в которых расписаны составы зелий от всяких недугов, упаковали отдельно. Подпругами из сыромятной кожи крепко притянули поклажу к шерстистым бокам оленей. У ездовых на спинах лежали по две подушечки – маленькие седла без стремян. Эвенк, не дожидаясь пока усядутся Корней с сыном, ловко запрыгнув на своего быка и повел караван, оглашая округу криками «От! От!». Изосим, впервые ехавший верхом на олене, пока принаравливался, несколько раз падал: шкура оленя «ходила», как рубашка на теле, и парнишка скатывался с гладкой шерсти.

* * *

Разлохмаченные хвосты дыма, тянущиеся вдоль подножья гор, указывали на местоположение стойбища. Переехав покрытую торосами речку, увидели сквозь деревья и сам стан, раскинувшийся на ровной, как стол, поляне. Низкое, но яркое солнце хорошо освещало чумы, из острых верхушек которых торчали прокопченные концы жердей. Между жилищами стояли где пустые, а где груженные нарты. У самого входа в чум, в меховом мешке, посапывал малыш. Он завозился и подал требовательный голос. Краснощекая мать, чумазая от копоти очага, в шароварах, заправленных в лосевые унты, расшитые цветистым орнаментом, выбежала и сменила под малышом подстилку: мох пополам с оленьей шерстью. Ребенок успокоился и вновь сладко засопел. С дальнего края стойбища неслись смех, веселые крики и визги одетой в кухлянки детворы. Здесь, в глухой тайге, изолированные от внешнего мира обширными малолюдными

пространствами, люди сохранили самобытность своей культуры и чистоту эвенкийского типа. Лица круглые, чуточку плоские, с узким разрезом глаз.

Еще дальше густилось стадо. Над ним колыхались ветвистые рога оленух – они сбрасывают их позже быков, когда оленята немного подрастут.

Эвенки заселяют огромную территорию от Оби до берегов Охотского моря с незапамятных времен. Постоянная борьба за жизнь, лишения, суровый климат сделали этот народ необычайно приспособленным к жизни в непроходимой тайге.

Сейчас на поляне, искрящейся от крупных кристаллов снега, в круг стояло пять чумов, покрытых двумя слоями оленьих шкур: внутренний слой – мехом в чум, внешний – мехом наружу. (Летом чумы покрывают сшитыми полосами бересты.)

Ветерок донес возбуждающий аппетит аромат – в каком-то чуме варили оленину. Небольшие, остромордые псы, увидев, что Бюэн не один, выскочили из общих, на три-четыре собаки, «гнезд», устланных для тепла сухой травой, и с заливистым лаем помчались навстречу – знакомиться. Услышав шум, из чумов стали выходить мужчины: не часто появляются здесь гости.

Корнея обрадовало то, что хозяйство деда увеличилось с двух до пяти чумов. Когда дочери Агирчи выходили замуж, а их у него, кроме Ольги, было еще три, они с мужьями из рода Сапкара вопреки традиции, после свадьбы перебирались в стойбище отца. В результате Агирча оказался главой большого рода и имел самое многочисленное стадо в округе. Он даже не знал, сколько в нем оленей, а когда спрашивали, отвечал: «Сколько на небе звезд».

Сапкар долго дулся на соседа, но когда умерла жена, сам приехал к Агирче и сказал: «Детей потерял – костёр ослаб, жену потерял – совсем потух. Пришёл к вам жить».

«Огонь не имеет конца, если рядом друг», – согласился Агирча.

После смерти стариков, оба рода так и продолжали кочевать одной большой семьёй.

– Отец перед уходом к верхним людям нас собирал и сказал: «Род силен, когда все вместе, – от одной ветки нет огня, от двух мало-мало теплится. Положи несколько – жаркий костер будет. Всех согреет».

В чуме Бюэна всем хозяйством управляла его жена Ирбэдэ – худая, суровая эвенкийка. Когда она наклонялась, в ее иссиня-черных косах звенели серебряные подвески. Ирбэдэ готовила пищу, колола дрова, поддерживала огонь, приносила воду, шила, выбивала и сушила на высоких кольях возле чума меховую одежду, доила оленух. Бюэн же с братьями, сыновьями и племянниками разбирали и ставили при перекочевках чум, пасли стадо, охраняли его день и ночь, в дождь и метель от волчьих стай и занимались охотой.

Корнея в стойбище помнили. Изосиму было приятно видеть, с каким почтением относятся к его отцу. Один из сыновей Сапкара, обнимая дорогого гостя, сказал:

– Ухо далеко про тебя слышало, потому глаз так хочет видеть.

– А где мой друг Хэгды?

– Хэгды навсегда ушёл – провалился в полынью.

Гостей усадили за низенькие столики, на подушки, накрытые пестрыми круглыми ковриками —кумланами, сшитыми из разноцветных обрезков ткани. (Женщины перед этим аккуратно скрутили покрывавшие «пол» шкуры).

Как хорошо и приятно после мороза и колючего ветра оказаться в тепле, под защитой оленьих шкур. В чуме Бюэна, самом большом в стойбище, можно было одновременно ставить три спальни-полога! Сейчас два из них вымораживались на улице.

Изосим впервые видел такую «спальню» и с интересом разглядывал ее устройство. Сшитая из оленьих шкур, она была натянута на деревянный каркас мехом внутрь. Этот довольно объемный меховой ящик прекрасно держит тепло, и в нем можно спать в одной рубашке даже в сильные морозы.

Высота полога невелика – стоять можно лишь на коленях. Пол тоже устлан шкурами. У изголовья примитивный жировик – каменная чаша, в которую налит топленый жир, с прядкой мха у края – фитиль. Он горит слабым, уютным, не мешающим спать светом. Днем полог выносят из чума. Выворачивают и что есть мочи стучат по нему колотушками из оленьих рогов до тех пор, пока не выбьют из шкур все кристаллы замёрзшей влаги.

Прежде чем подавать угощение, хозяйка помыла лицо и руки, прыскавая воду изо рта. Первым подала прокопченную на ольховом дыму оленью колбасу из мяса и кедровых орешков. Пока лакомились этим деликатесом, в котле доварилось мясо молодого оленя. Мелко нарезав, хозяйка посыпала его сушеной черемшой и подали на деревянной доске.

Во время трапезы в чум время от времени просовывали головы собаки – кланчили подачки со стола. Хозяйка молча собрала и высыпала на снег груды костей. Растащив их по стойбищу, псы принялись за любимое дело – глотать мосолыжки. Но один пес так и остался сидеть у входа, чуть склонив голову набок. Он жадно вдыхал восхитительные ароматы, сочащиеся сквозь щелку. Иногда от наслаждения закрывал глаза. Тонкие струйки слюны тянулись и падали на снег из уголков его полураскрытой пасти. Когда из котла достали очередные дымящиеся куски мяса, и волна запаха достигла его носа, пес аж придвинулся поближе. Глаза хмельно загорелись, хвост от возбуждения забил по земле. Опыяненный чарующим ароматом, он поднял морду и заскулил.

– Всегда так. От запаха ум теряет, – прокомментировал Бюэн.

Доев мясо, вытерли жирные пальцы о чистые кусочки шкур и принялись за дуктэми —подсушенные над костром полоски рыбы, посыпанные костной мукой и политые рыбьим жиром.

Это угощение подают самым дорогим гостям. Изосим, впервые оказавшийся среди эвенков, не столько ел, сколько во все глаза смотрел на происходящее. С интересом наблюдал, как соловеют от сытости эвенки. Как на губах, блестящих от жира, появляются блаженные улыбки. Вслушивался в их неторопливый, пока малопонятный, гортанный говор. Ему, правда, не очень нравилось, что в чуме дымно, душно и кисло пахнет прелыми шкурами.

С обжигающим чаем подали лепешки и колобки масла, взбитого из жирного оленьего молока.

Пили долго, не торопясь, шумно втягивая горячий напиток, смакуя каждый глоток.

Залив мясо чаем, эвенки раскурили трубки. Вскоре табачный дым заполнил чум сизым туманом. Корней с Изосимом морщились, но из деликатности терпели.

– У вас все такое вкусное! – похвалил Корней. – Однако лишка уже. От обильной трапезы живот пухнет, а дух слабнет.

– Много ешь – дух добрый! – несогласно покачал головой Бюэн. – Еда надо люби, как жену. Языком гладь, тихо глотай. Не будешь люби – Бог еду забирай.

– Еда силу даёт, – подражая взрослым, важно добавил Вискэ, средний сын Бюэна.

– Всё же много есть вредно, – стоял на своем Корней.

Бюэн с сомнением покачал головой, но спорить не стал.

За стенкой чума заскрипел снег, занялись собаки. Это на широких, оклеенных камусом лыжах, подъехал старший сын Бюэна – Орон, живший с женой и двумя детьми-погодками, четырех и пяти лет, в одном чуме с родителями. Радушно всех поприветствовав, он снял меховую куртку, и, подойдя к Корнею, крепко обнял его:

– Дорова! Что долго ехал?

– Семья, забот много. Это мой старший – Изосим. Привёз знакомить.

– Хорошо делал. Друг друга знать надо.

Быстро перекусив, Орон, рассказал, что в стойбище приезжал человек из исполкома. Уговаривал перейти на жительство в деревянную избу возле какой-то культбазы. Говорил, что в избе тепло, детей будут учить писать буквы и из бумаги про все узнавать.

– Что ты ответил исполкому? – насторожился Бюэн.

– Сказал: «Эвенк не может жить избе. Эвенку с оленями кочевать надо. Не поедем! В чуме жить будем».

– Хорошо сказал. Избу за стадом не повёзёшь. Олень без кочёвки умирай.

– Эвенка учить исполком не может, исполком не знай, как тундра жить, как олень пасти, как чум ставить. Чему исполком учи? Как он ходи, как он живи? Эвенк нельзя живи так. Эвенк умирай такой жизнь, – не вытерпела, вмешалась в разговор жена Бюэна – Ирбэдэ.

– Когда уезжал, шибко злой был. Сказал: «Ты не эвенк, ты кулак. На тебя упряжку найду». Отец, он что, из нас оленей хочет делать?

Бюэн расстроился.

– Эвенк не будет оленем. Такой позор наш род не надо. Уходить будем. Далеко уходить. Пусть исполком сам оленем будет.

– Еще шаман Оргуней приезжал. Ругал, что ты ехал лучу* звать. Сказал, что большевики всех шаманов убьют. Тогда жизнь кончится.

– Жадная ворона много каркает. Десять оленей дали – не лечил. Корней хорошо лечит, олень не просит.

* * *

Запущенные болезни поддавались лечению с трудом. Ослабевшие животные, особенно быки, продолжали умирать.

Корней нервничал, а Изосим, напротив, втайне даже радовался, что задерживаются. Жизнь в стойбище ему всё больше нравилось. Он легко освоил язык, перезнакомился и подружился со сверстниками. Играл вместе с ними, смотрел за стадом, ходил на охоту. Особенно привязался к Васкэ. Несмотря на разницу в возрасте (Васкэ 17, а Изосиму только 14), они сразу подружились.

Бабушка Ирбэдэ не могла есть оленину, и ребята специально для неё ходили за тетеревами. Молодой эвенк охотился не с ружьем, а с луком Хэгды, подаренным дедом после смерти дяди. Большой, почти в рост, лук для упругости был оклеен оленьими сухожилиями. Натяжение тетивы было столь велико, что она звенела от малейшего прикосновения. Оттянуть такую тугую тетиву непросто, зато и стрелу она посылает на высоту парящего орла.

Колчан для стрел был красиво вышит. Наконечники у них выкованы из гвоздя. Хвостовое оперение устроено так, что в полете стрела начинает вращаться, как пуля, вылетевшая из ствола нарезного оружия. Это придавало ей устойчивость и точность стрельбы.

Неслышно ступая мягкими ичигами – легкими кожаными сапогами, перехваченными сыромятными ремешками по голенищу, Васкэ мог подойти на расстояние выстрела к любой дичи.

Изосим в первый же выход понял, почему его двоюродный брат предпочитает промышлять луком, – от ружья много шума. А с луком тетеревов сколько надо, столько и настреляешь: птицы шею вытянут, посмотрят, куда сосед упал, и продолжают кормиться дальше.

Изосиму тоже нашли лук, правда поменьше. У него бой был слабее, и мальчику приходилось подкрадываться к тетеревам поближе. Те нередко пугались и отлетали вглубь леса.

Ребята не только охотились. Они помогали и по хозяйству. Много времени занимало изготовление деталей для нарт. Делали стойки, обтесывали, загибали березовые жерди для полозьев, резали тальник для каркаса. Упряжь мастерили женщины.

Запрягают оленей предельно просто: широкая ременная петля надевается животному на шею, пропускается под ногой и, через баран, возвращается к другому орону. Если один из оленей тянет не в полную силу, второй, добросовестный, сейчас же оттягивает ремень вперед, и лентяй попадает ногами под наезжающие нарты. Поэтому оба вынуждены тянуть на равных. У северных оленей очень ветвистые рога и, чтобы они не цеплялись за напарника и ветки деревьев, их укорачивают ножовкой.

Готовя Бюэна к предстоящей экспедиции, обитатели стойбища работали, не покладая рук. Они понимали, что если выполнят все условия договора с топографической партией, то род хорошо заработает.

* * *

Перед сном, когда бабушка Ирбэдэ закуривала длинную трубку, вырезанную из мамонтовой кости, внуки начинали крутиться вокруг и просить:

– Расскажи, бабушка, сказку. Расскажи!

– Кыш, кыш, комары, налетели на старуху. Вот я вас прутом!

Дети смеялись и опять просили: «Расскажи, хоть одну». Они знали, что у бабушки в памяти их такое множество, что до утра хватит.

– Ну, ладно. Сегодня расскажу про умного охотника и глупого медведя.

Мальши придвинулись к бабушке поближе. Изосим и Васкэ, хоть и были уже почти взрослыми, тоже подсели.

Ирбэдэ глубоко затянулась и, выпустив струю дыма, начала говорить:

«Шел по тайге старый охотник. Смотрит, лежит медведь и стонет: деревом его придавило. Обрадовался охотник – большая добыча! А медведь говорит ему:

– Лежачего не бьют!

Подумал охотник и согласился – дерево убрал, медведя спас. А медведь бросился на охотника и давай его душить.

– Ты что же, за добро злом платишь?

– За добро всегда платят злом! Ты что, не знал?

– погоди, медведь, давай спросим встречного. Каждый скажет: за добро платят добром.

Пошли они по тайге, а навстречу им идет старуха. Платье в заплатках, ичиги рваные.

– Скажи, бабушка, чем платить надо за добро – добром или злом?

– Злом, злом, – закричала сердито старуха. – Вот я работала у богача, старалась, а когда ослабла, состарилась, он выгнал меня – хожу теперь побираюсь!

– Слышал?! – обрадовался медведь и еще сильнее стал душить охотника.

– Постой, давай спросим у высоко сидящего, – простонал охотник.

– Скажи, дятел, чем за добро надо платить – добром или злом?

А дятел не обращает внимания. По-прежнему сидит на дереве и долбит, только щепки летят. Охотник и говорит медведю:

– Дятел плохо слышит, надо нам показать ему, как дело было.

Лег медведь, и охотник тут же придавил его толстым стволом. Медведь заохал:

– Что так стараешься? И так видно, как было.

– Пусть так и дальше будет, – засмеялся охотник.

Хотел медведь подняться, а дерево тяжелое – не пускает.

– Нехорошо ты поступаешь, человек, убери дерево, хватит – отпусти!

– Нет, – ответил охотник, – полежи, подумай хорошенько, чем надо за добро платить – добром или злом? – и ушел домой».

– Так ему и надо, – сказала младшая внучка Инэка. С ней все согласились и радовались, что охотник так умно наказал неблагодарного хомоты.

Бабушка уже хотела лечь спать, а дети принялись её уговаривать:

– Ну, бабушка, ну еще хоть одну, самую короткую.

– Устала я.

– Ну, пожалуйста, расскажи, – хором заканючили дети.

– Ладно, расскажу про песца и зайца. Только больше не просите...

«Песец и заяц, оба белые и пушистые, как братья, дружно жили в одной норе, а на охоту ходили в разные стороны. Песец как-то спросил зайца:

– Скажи, что ты ешь?

– Ем траву, тальник, кору осины, – ответил заяц. – А ты что ешь?

– Я ловлю мышей и птиц. Пойдем со мной на охоту, будешь есть мою пищу.

– Нет, у меня чистые зубы, не буду пачкать кровью.

Осерчал песец на зайца.

– Трусишка ты, а я-то думал – настоящий охотник. Уходи от меня, больше не попадайся – съем!

Испугался заяц, убежал.

Собрал песец свою родню, хвалится:

– Зайчишку-трусишку я выгнал из своего дома – плохим он оказался охотником!

– Хорошо ли ты поступил? Не прогневать бы хозяина тайги. Надо его спросить.

Пошли песцы к медведю, а заяц уже там, жалуется.

Медведь спрашивает:

– Почему ссоритесь? Оба одинаково белые, живите дружно, как братья!

Песец ответил:

– Он плохой охотник. Посмотри на его зубы.

Косолапый поднял зайца одной лапой за уши, а второй верхнюю губу старается задрать, чтобы зубы посмотреть – разорвал ее. Кинулся бедный заяц убежать, да медведь лапой за хвост поймал. Дернулся заяц – хвост и оторвался. Прячется теперь перепуганный заяц по тальникам. С тех пор уши у него длинные, верхняя губа раздвоенная, хвост совсем короткий».

Ребята посмеялись и довольные легли спать.

* * *

Наконец наступил день, когда Корней вздохнул облегченно – перестал хромать, спотыкаться последний олень. На стадо теперь приятно было смотреть: упитанные, с лоснящимися боками, красавцы. Над широко раскинувшимся по заснеженному пастбищу шерстистым ковром стоял перестук ветвистых рогов оленух (быки сбросили рога еще в конце осени, после гона).

Исполняя команду Бюэна, стадо окружили собаки и с лаем погнали их на свежую, с нетронутым ягелем, марь. Живая лавина хлынула, пощелкивая копытами, вдоль края леса на новый выпас. Передние летели, словно ветер, вытянув длинные шеи. Только снег разлетался во все стороны, да выдуваемый из ноздрей пар легким облаком тянулся за стадом. Нет в этом суровом крае более быстрого и более приспособленного к местным условиям животного, нежели северный олень.

Убедившись, что болезнь побеждена, Корней сказал сыну:

– Собирайся, сынок. Завтра едем домой.

Заметив, как скуксился Изосим, отец невольно вспомнил то время, когда сам прожил в стойбище почти год:

– Что пригорюнился? Неужто по дому не скучаешь?

– Тута, тятя, некогда скучать.

– Остаться хочешь?

Изосим встрепенулся:

– А можно?

– Ладно уж, погости еще. Только не своенравничай, слушайся старших, – пряча улыбку, ответил отец, собиравшийся осенью опять приехать в стойбище.

Дело в том, что варлаамовцам очень нравилась одежда из легкого оленьего меха. Мягкий, не скатывающийся и необычайно теплый, за счет трубчатой полости внутри волос, он будто специально создан для суровых якутских зим. К тому же в него не набивается снежная пыль, благодаря чему мех остается всегда сухим. Корней договорился с Бюэном, что после забоя, женщины сошьют из шкур унты и меховую одежду для скитских, а он ближе к зиме приедет и заберет.

Прощаясь с Корнеем, Бюэн напутствовал:

– Пусть твоя тропа будет чистой и чаще пересекает нашу.

– А олени не болеют, – добавил скитник.

Помощником для работы в топографической партии Бюэн намеривался взять Вискэ. Чтобы не разлучать друзей, он предложил Изосиму:

– Если хочешь, идём с нами. Будем кочевать, у костра сидеть, чай пить, много говорить.

Что может быть лучше?!

– А это надолго?

– До молодого льда. Когда отец приедет.

– Тогда, конечно! Я с радостью! – просиял паренек.

Таежный « гарнизон »

1924 год.

Нескольким разрозненным горсткам отчаянных рубак, в том числе остаткам отряда подполковника Лосева, после разгрома красными армии генерала Пепеляева, удалось укрыться в безлюдье глухомани Восточной Якутии.

Красноармейцы долго гонялись за ними, но, великолепно ориентирующиеся в тайге Иван Дубов и Федот Шалый увели отряд через мари и болота в такую глушь, что преследователи потеряли их след. И никто не знал куда они делись и что с ними стало. Замерзли ли в трескучие морозы или утонули на порогах? Заела ли мошкара или умерли от голода? Только остроглазый беркут знал о том...

* * *

Отряд, состоящий из двенадцати человек (восьми офицеров и четырех казаков) хоронился в буреломном распадке, неподалеку от горячего источника, напористой струей бьющего из-под обомшелой глыбы, метко нареченной Шалым «Бараний лоб». Вода в нем слегка отдавала протухшими яйцами, но на вкус была довольно приятна. Ютились в двух полуземлянках, вырытых на бугре.

Зимой в морозы источник обильно парил, и ближние деревья опушались густым игольчатым инеем. Земля и камни вокруг него всегда были теплыми. Особенно заметно это было зимой: кругом бело, а вдоль ключа кое-где даже зеленая травка проглядывает. Первое время мылись прямо в нем. Потом казаки, боготворившие баню, поставили небольшой сруб чуть ниже источника и натаскали для парилки кучу валунов.

Для лошадей соорудили загон: жерди, густо заплетенные лапником.

Окрестные горы покрывал кондовый лес. Внизу светлая лиственница, перемежавшаяся с вкраплениями более темного кедра. Выше склон сплошь в высоких свечах угрюмых елей. К ним стекают изумрудные разводья языки кедрового стланика, а на самом верху – безжизненные поля курумника¹⁰, с торчащими кое-где скалами.

Поначалу крохотный военный гарнизон насчитывал пятнадцать человек. В первый же год по недосмотру двое угорели в бане. При углях зашли и заснули: один на полке, второй у выхода. К числу банных потерь можно отнести и несчастный случай и с Лосевым. Когда на камни плеснули воду, раскаленный валун лопнул, и острый осколок вонзился подполковнику прямо в глаз.

А зимой 1925 года потеряли хорунжего Соболева – мощного, словно скрученного из тугих мускулов, молодого офицера. Охотясь в горах, он сорвался с каменного уступа и повредил позвоночник. Ночью не успел разбудить товарищей для исполнения естественной нужды и к утру в землянке стояла нестерпимая вонь.

– Что за дела! Спишь, как в гальюне! – зло процедил сквозь зубы мичман Темный, худощавый, высокий моряк. Ему было около тридцати, но из-за грубых черт лица и звероватой походки, он выглядел старше.

– Господин мичман, как вам не стыдно! – одернул его Лосев.

– Под ноги смотреть надо, когда по горам ходишь, – вспыхнул тот. – И прекратите морали читать. Из-за головотяпства одного страдают все.

Хорунжий, совестясь своей невольной оплошности, сжался, покрылся красными пятнами. Не желая быть обузой для товарищей и терпеть унижения, он следующей ночью, скрежеща зубами от нестерпимой боли, раздирая в кровь руки, сумел ползком выбраться из землянки. Когда утром хватились, было поздно – раздетый офицер промерз почти насквозь.

¹⁰ Курумник – каменистая, зачастую подвижная, осыпь.

Его смерть стала поводом для новой стычки. Надо сказать, что первое время ссорились вообще часто: у каждого был свой характер, свой взгляд на то, как быть дальше. Одни возмущались, особенно яростно мичман:

– Сколько будем отсиживаться? Чего ждем? Во время войны с Наполеоном партизаны вон какой урон врагу наносили. А мы что, оружие держать разучились? Всё одно, сидя тут, передохнем! Кто раньше, кто позже. Так лучше пару-тройку красных с собой прихватить.

Другие сомневались. Самый молодой из них, еще безусый юнкер Хлебников, например, предлагал:

– Господа, надо попытаться узнать, что в мире творится. Вдруг амнистия объявлена?

– Может, и объявлена, да волк никогда собакой не станет. Тихо сидеть надо, – возразил ротмистр Пастухов.

– Трус вы, господин ротмистр, а не офицер! Тени своей боитесь! – презрительно сплюнул мичман Тёмный.

– Молокосос! Как ты смеешь меня в трусости обвинять? Что ты мог на своем флоте видеть? Хоть раз в рукопашную ходил?! – рассвирепевший Пастухов, сжав кулаки, придвинулся к обидчику.

– Ну давай, гад, посмотрю, каков ты в деле, – вконец озлобившись, мичман принял боксерскую стойку.

Подполковник, видя, что назревает потасовка, решительно встал между ними:

– Господа, успокойтесь! Нам действительно нужно разведать, что вокруг творится. Но куда зимой? Перемерзнем в наших обносках. Да и следы нас выдадут. Весны дожждаться надо. Вы, мичман, у нас самый прыткий, вот и готовьтесь, – сказал Лосев и, как бы ставя точку, примирительно похлопал его по плечу.

Напряжение спало. Разговор перекинулся на хозяйственные темы. Авторитет Олега Федоровича Лосева был непререкаем. Сила духа, светящаяся в его глазах, ломала встречные взгляды, сдерживала людей от брани. Улыбался он редко и, вообще, был холодно-сдержан и на слова скуп.

* * *

После Рождества установилась небывалая даже для этих мест стужа. Вроде и тайга не истощена промыслом, а дичь словно вымерла – на снегу ни следочка! Лишь угольно-черный ворон, украшенный заиндевевшими бакенбардами, изредка пролетал над гарнизоном, оглашая зловещим карканьем застывшее пространство. В морозной стыни были отчетливо слышны свистящие звуки от взмахов жестких перьев.

Вылезешь из землянки – кажется, не вдохнешь. А вдохнешь, так все внутри замирает. Через пару минут лицо всё в инее. Веки, словно заржавевшие створки, еле открываются.

Спасались тем, что топили круглые сутки. Дрова приходилось готовить постоянно. Как выяснилось, необычайно плотная древесина лиственницы зимой почти не содержит воды и, попав в печь, горит, как смолистая сухара¹¹, поэтому старались заготавливать именно ее.

Пока пилишь чурки, колешь их на поленья, руки и ноги успевают промерзнуть так, что, по возвращении в натопленную землянку, люди, отходя от стылости, начинали выть и корчиться на нарах от нестерпимой боли.

Ближе к весне объявилась новая напасть. В землянки стала просочиваться грунтовая вода. И чем жарче топили, тем сильнее. Встаёшь с нар – ноги по щиколотку в ледяной воде. Ладно, хозяйственные казаки сообразили и покрыли земляной пол настилом из плах.

Чтобы не помереть с голоду, ели павших от бескормицы и холода лошадей. Последней, несмотря на особый уход, пала кобыла ротмистра. Он засыпал боевую подругу снегом и долго

¹¹ Сухара – высушенный добела ствол дерева.

не разрешал ее трогать. Но когда у товарищей стали пухнуть от голода ноги, сам нарубил и принес в землянку куски конины. Так, благодаря Фросе, дотянули до тепла.

Лишь только начал сползать снег, наладились собирать на проталинах кедровые шишки, а на ближней болотине – прошлогоднюю клюкву.

Когда деревья выпустили листья, мичман напомнил Лосеву об обещанной разведке. Подполковник не рискнул отпустить его одного. Отправил в паре с казаком Шалым.

* * *

Вернулись лазутчики на удивление быстро – на пятый день, и не одни. Привели с собой бродячего торговца – улыбчивого якута Василия Сафронова с круглым, смуглым, словно прокопченным, лицом, с реденькой клиновидной бородачкой и едва видными в узких щелочках маслянистыми глазками. Он зарабатывал тем, что объезжал одиноко кочующие семьи тунгусов на навьюченных ходовым товаром лошадаках и выменивал у них пушнину, кабарожью струю.

Разведчики встретились с ним на таежной тропе случайно. Слово за слово – разговорились. Сели перекусить у костерка. Тертый якут быстро сообразил, что дружба с отрезанными от мира белыми офицерами сулит хорошие барыши, и безбоязненно предложил свою помощь, а взамен попросил мыть для него золотишко.

Обитатели гарнизона повеселели – появление якута решала многие проблемы, связанные с нехваткой инструментов, посуды, продуктов. А сейчас они, пользуясь щедростью купца, наслаждались забытым вкусом сахара и сухарей. От него узнали, что до ближайшего поселения – его родного улуса, пять дней пути; что других поселений в округе нет, что красные выжимают из народа последние соки и лютуют: недавно выследили и расстреляли троих белопартизан Артемьева.

После разговора с якутом все поняли, что пока лучше никуда не соваться, а здесь им опасаться некого.

Неугомонный мичман уже на следующее утро отправился вниз по ключу и через пару часов вышел к речке. Увидев, что она буквально кишит рыбой, недолго думая сплел из ивы с пяток «морд» и расставил в узких местах. Со следующего дня рыба в гарнизоне не переводилась. Запеченные на углях тугие хариусы и ленки в собственном соку (каждого заворачивали в лист лопуха и обмазывали глиной) разнообразили стол и были поистине царским деликатесом. А уж какой наваристой получалась из них уха! ОТСЮДА

Откуда-то набежали олени. В верхнем поясе гор появились снежные бараны. Жизнь налаживалась.

Промышлять круторогов на безлесых гольцах было сложно – открытые склоны просматривались насквозь. Но и тут вскоре подфартило: выслеживая баранов, ротмистр Пастухов обнаружил солонец. Он оказался всего в двух верстах от гарнизона. Вязкая, глинистая почва была сплошь истыкана копытцами животных. С той поры один-два барана по мере необходимости «перекочевывали» в гарнизонный ледник, устроенный на затененном склоне в вечной мерзлоте.

* * *

Однообразная, замкнутая жизнь, состояла из дней, как две капли воды, похожих друг на друга. Некоторое разнообразие вносили лишь перемены в погоде, охота на зверя, а особенно – приход торговца Василия. Такие дни запоминались и оставались в памяти долгими, почти как в детстве.

В какой-то степени оживляли житье-бытье и вечерние разговоры, начинавшиеся, как правило, сразу после ужина. Они позволяли почувствовать себя частицей пусть небольшого, но дружного коллектива.

Вспоминали не только о прожитом, но и пели полюбившиеся с армии песни, читали стихи. Только поручик Орлов редко подключался к общим беседам, но слушал внимательно, а потом уединялся и подолгу что-то писал.

Федот Шалый и вовсе оказался истинным сказителем. Он знал множество историй рассказанных ему дедом о землепроходцах и промышленниках, осваивавших Сибирь и нередко ставивших на кон не только свой капитал, но и живот. Кроме того, его память изобиловала разными забавными случаями из жизни инородческих князьков и простых оленеводов, кочевавших по соседству.

Самой же частой и больной темой разговоров были, конечно, до сих пор кровоточащие воспоминания о поражении армии генерала Пепеляева и споры что делать дальше? Здесь позиции различались. Одни по-прежнему являлись сторонниками партизанской войны, другие не видели в ней смысла.

Через якута Василия Сафронова к ним доходили сведения, что в Нелькане и Аяне уже сами коренные жители под предводительством эвенкийских старейшин вместе с остатками неустрашимых белопартизан Артемьева, подняли восстание и учредили Тунгусскую республику. Правда, просуществовала она всего несколько месяцев и была ликвидирована регулярными частями Красной Армии. Что один из видных якутских большевиков Ксенофонтов, пережив революционную эйфорию и утратив иллюзии, организовал мощное антисоветское движение. Его вооруженные формирования взяли под свой контроль почти половину территории области, но и он не смог устоять против переброшенных сюда из Иркутска армейских соединений.

К сожалению, а может, к счастью, в гарнизоне Лосева узнавали об этих событиях когда они были уже в прошлом...

Сегодня подполковник, желая порадовать товарищей, с нетерпением поджидавших якута, отправился на солонец.

Сидеть в засаде долго не пришлось – с отрога, цокая точеными копытцами по камням, спускался табунок с ягнятами. В их компании было всего два барана с завитыми в кольца, ребристыми рогами. Один был явно младше. Лосев с интересом наблюдал, с какой жадностью животные набрасываются на солёную глину: их головы буквально исчезали в глубоко вылизанных ямках.

Барашки забавно отмахивались задними ногами от комаров, тучей висящих над ними. В конце концов, не выдержав атак кровососов, животные засеменяли на продуваемые гребни.

Лосев, наконец, вспомнил о цели своего прихода. Меткий выстрел свалил молодого барана.

Вернувшись в лагерь и разделав с Дубовым тушу, охотник вынул из-за пазухи обтянутую кожей баклагу со спиртом. Встряхнул – много ли? – и, отлив в кружку, развел водой. Поднеся ко рту, запрокинул голову и вылил содержимое прямо в глотку. При этом кадык ни разу не шелохнулся, лишь расправилась кожа на шее.

– Ишь, ты! – воскликнул восхищенный Иван, обножив крепкие зубы. – Откель такая сноровка у вашбродь? Пьете, не глотая!

– Я ж, Ваня, с 1904 года, с Японской, по фронтам. Там всему научишься. Мой денщик говаривал: «Спирт простор любит. Он не то что глотку, даже горы точит, а глотка что – она ж не каменная». Жаль, погиб нелепо... самурай сонному горло перерезал.

– Да уж! Не приведи Господь такую смертушку принять, ажно мороз по коже, – перекрестился казак.

– Как же ты столько лет воевал, коли смерти так боишься?!

– Кто ж ее не боится? – рассудительно отозвался Дубов. – Чать, все боятся, а я и не жил ведь ишо.

– Верно говоришь: смерти только дурак не боится. Если честно, Ваня, и я боюсь. Но есть такие понятия, как долг, присяга — нарушить их не могу. С кадетов приучен. Обязанность у нас такая – стоять за Отечество верой и правдой. Звания «офицер русской армии» с меня никто не снимал. И мы, Ваня, даст Бог, постоим еще за матушку Россию.

– Кто ж против, вашбродь. Мне, к примеру, теперича и податься некуда – дом родительский голытьба в отместку сожгла... Да чем токо воевать, огнеприпасов-то совсем чуток... Вашбродь, а правду говорят, будто вы с генералом Пепеляевым дружили?

– Да нет. Хоть и вместе служили, стать друзьями не случилось. Тем не менее, знаю его довольно хорошо. А что это тебя вдруг заинтересовало?

– Сказывали казаки, будто стоящий командир был. Правда, али так болтают?

– Верно Ваня. Верно говорят. Честь офицера для него было главным в жизни. Солдат уважал и берёг. Строгий, но справедливый был. Солоно порой от него приходилось. Сам знаешь, в армии, особенно на войне, без дисциплины никак... Командуй он Восточным фронтом – может, и не случилось бы такого сокрушительного разгрома. И как человек он глубокий. Особенно запомнилось одно его выступление. Я его даже в свой дневник записал. Погоди, сейчас найду... Ага, вот, послушай:

«В своих поступках и решениях я исхожу из того, что мы – люди присяги, и если мы изменим ей, будет страшный хаос и кровь. А так хочется поменьше крови!¹² Я взялся за оружие потому, как убежден, что при большевиках народу погибнет больше, чем в организованной борьбе. Моя мечта – создать народно-революционную армию, освободить Сибирь, собрать Всесибирское народное собрание и передать всю власть представителям народа, а дальше – как они сами порешат. Я ненавижу месть, кровь, стремление к возврату старого режима. Мой идеал – возрождение старорусских вечевых начал, православия, национального достоинства».

– Да, по-всему, человек с толком, однакось и он красных не одолел, что-то видать не срослось... Жаль...

– Всему свое время... Война – это тоже работа, а работа любит терпеливых... Вань, я что-то притомился... Пожалуй прилягу. Как караван подойдёт, буди... Так говоришь, страшно умирать? А может, зря мы смерти страшимся? Ведь вся наша жизнь – это дорога к ней. Тело-то оно что – оболочка. Главное – душа. А она бессмертна... Однако так хочется и в теле подольше ее удержать, да как? Вот вопрос! – задумчиво произнёс Лосев.

Спустившись в землянку, освещенную двумя масляными светильниками, подполковник зашел в свой угол и помолился на трехстворчатый меднолитой складень, потемневший от времени. Устроившись на застеленных шкурами нарах, погладил бедро в том месте, где сидела немецкая пуля, укрылся бекешей и свернулся по-детски калачиком. Сон не шел. Подполковник, как всегда в таких случаях, открыл в первом попавшемся месте томик Лермонтова и прочел:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья,
Цель упований и страстей?
Поведать – что мне Бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

«Как точно сказано! Прямо про нас! И откуда у этого юнца такое глубокое понимание жизни?! Писал ведь практически мальчишкой. Эх, жаль, что так рано ушел. Поживи наравне с Пушкиным, сколько бы еще бессмертных творений создал!.. Что-то ребятки припозднились... Может, Василий донес на нас? Хотя, какой ему резон?» – скакали в голове подполковника беспорядочные мысли...

¹² Тут уместно отметить, что Пепеляев никогда не расстреливал пленных. Он их отпускал с просьбой не воевать больше против него, а желающим предлагал перейти в его армию.

Прииск «Случайный»

1926 год.

Получив расчёт за товар, якут Василий рассказал Лосеву, что его американские партнёры из торговой фирмы «Олаф Свенсон» имеют на складе много оружия и обмундирования, завезенного еще в двадцатом году.

Они готовы передать все это людям с боевым опытом и способным поднять население на борьбу с большевиками.

– Чего это они раздобрились?

– Советы стали препятствовать их прибрежной торговле. Всякие бумаги требуют.

Лосев слушал купца с интересом, однако готовности возглавить мятеж не проявил. Он прекрасно понимал, что их гарнизон слишком мал для подобной цели. Однако опытный переговорщик Сафронов стал бить на то, что в народе растёт недовольство политикой большевиков и очередное восстание неизбежно, но, поскольку у якутов и тунгусов нет грамотных командиров, большие потери неминуемы.

Олег Федорович призадумался и пообещал обсудить с товарищами.

Мичман Темный сразу загорелся:

– Такой шанс нельзя упускать! Мечтали оружие раздобыть, а тут оно само в руки просится! Привлечём недовольных, сформируем крупное соединение.

На офицеров и казаков как-то разом нахлынула ярая ненависть к большевикам, сделавшим их, всю жизнь честно стоявших на страже Отечества, изгоями в собственной стране. Ротмистр, участвовавший в Крымской кампании, никак не мог забыть коварство и подлость председателя Реввоенсовета Троцкого, то бишь Бронштейна:

– В двадцатом году наша дивизия, державшая оборону, получила от этого еврея письменные заверения, что при сдаче в плен всем гарантируется жизнь, сохранение звания и беспрепятственное возвращение домой. Люди поверили – понимали, что Крым все равно не удержать. И что? Тех, кто сдался, – всех расстреляли. Девятнадцать тысяч лучших ратников! Девятнадцать тысяч!!! В живых остались единицы.

– Верно! Гнать их из России надо! Ввергли в хаос великую империю! – горячо поддержал стройный, с белесыми бровями на гладко выбритом лице и мягкими, пшеничного цвета волосами, поручик Орлов.

– Господа офицеры¹³, не надо так огульно, – неожиданно вмешался штабс-капитан Тиньков. – Среди них немало благородных и преданных России людей.

Пастухов подскочил к штабс-капитану с потертой газетной осьмушкой и стал тыкать её Тинькову в лицо:

– Вот, почитайте, специально для таких, как вы, берегу. Тут опубликован закон, подписанный главой советского государства евреем Мошевичем Ешуа (Яковым Свердловым), еще 27 июля восемнадцатого года! Читайте: за непочтительное обращение к еврею – расстрел! Ясно? Нас, русских, можно расстреливать тысячами! А их не тронь!

– В правительстве большевиков почти нет русских! – добавил юнкер.

– Да и сам Ленин по матери немец, – продолжал наседавать на Тинькова ротмистр.

– Уймись, господа!.. Все-таки, что ответим американцам? – произнес Лосев сдержанно.

Набычившийся ротмистр, бормоча ругательства, отошел. Его левая щека нервно дергалась – верный признак приближающегося приступа, случившегося с ним при эмоциональном напряжении – последствие контузии от разорвавшегося рядом снаряда.

¹³ В добровольческой армии Пепеляева полагалось обращаться друг к другу «Брат подполковник, брат прапорщик и т.д.», но после её разгрома в отряде Лосева вернулись к привычному «Господин подполковник».

– Господа, к чему спорить? Надо действовать! – с пафосом воскликнул поручик Орлов. Ротмистр резко обернулся:

– Не верю я в бескорыстность американцев. И якуту этому не верю – уж больно расчетлив и хитёр.

– Верно, по короткому лаю собаку от лисы не отличишь, – поддержал Дубов.

– А вы, штабс-капитан, что думаете? – обратился к Тинькову подполковник.

– Согласитесь, оттого, что мы сейчас клянем большевиков, ничего не изменится. Я лично за вооруженную борьбу! А что до якута – ну и что что хитёр. Ему прямой резон нам помочь – он спит и видит, когда вернутся прежние порядки.

– А что наши унтера скажут?

– Мы, как все! – живо откликнулся один из братьев-близнецов Овечкиных. Их рыхлые лица с водянистыми, небесной голубизны глазами были так схожи, что братьев никто не мог различить. Одного из них звали Всеволодом, второго – Владиславом. Поэтому, чтобы не путаться, их звали Всеvlадами.

Заручившись поддержкой большинства, подполковник дал-таки торговцу согласие, при условии, что американцы предоставят оружие и боеприпасы в количестве, достаточном для ведения длительной и масштабной военной кампании. Он помнил, что одной из причин поражения генерала Пепеляева была слабость обеспечения.

Воодушевленный Василий пообещал в следующий приезд доставить первую партию оружия. Только попросил встретить через двадцать дней у подножья хребта: тропа крутая, одному с тяжело груженными лошадьми в горах не управиться.

Ночью обитателей офицерской землянки криком «Крамола кругом! Не верьте ему, он предатель!» поднял на ноги переволновавшийся ротмистр.

* * *

Оружия якут Василий доставил немало: на четыре полноценные роты. Промасленные карабины были аккуратно упакованы в ящики. Неожиданно для всех, привез и ичиги¹⁴. Теперь можно побережь сапоги для воскресных построений, на которые они надевали форму, боевые награды, надраивали до вороньего блеска яловые и хромовые сапоги – у кого что сохранилось.

С провиантом обстояло хуже. С десятков коробок с галетами, два куля муки, четверть спирта и пуд соли. Именно ей, невзрачной, серой, с бурыми крапинками, радовались больше всего. После месячного употребления пресной пищи, ни у кого не оставалось сомнений, в том, что соль есть наиважнейший продукт.

В предыдущий приезд якут сплеховал – забыл ее. Зато сейчас, пользуясь моментом, поднял цену. Привез еще тетради и карандаши для поручика. Он писал книгу о последнем зимнем походе Белой гвардии и вел летопись их маленького гарнизона.

– А патроны где? – возмутился подполковник, закончив осматривать привезённое.

– Вот, смотрите, – Василий открыл небольшой ящик.

– Ты что, издеваешься?!

– Ваше степенство, больше нету. Сказали – шхуна привезет. За шхуну платить надо, за патроны тоже мал-мало надо... Золото надо, – развел руками якут.

– Ты же говорил, что у них боеприпасов с избытком! – сказал Лосев вроде спокойно, а у самого глаза побелели от бешенства.

– Тогда было с избытком, теперь нету.

– Ну так увози свои железки американцам обратно! Пусть сами воюют.

– Куды черт! Так никак. Шхуна пошла. Золото надо, – твердил свое якут.

¹⁴ *Ичиги – летние сапоги без каблуков с голяшками, обвязанными ремешками или верёвочками. Шьются из сыромятины и, чтобы не промокали, пропитываются жиром, как правило, медвежьим.

– Что ты заладил «Золото, золото». Откуда оно у нас?!... Похоже вы, ротмистр, были правы – ему лишь бы мошну набить, – Олег Федорович с расстройства даже сплюнул.

– Ваше степенство, сердиться не надо, думать надо... Знаю прииск «Случайный». Богатый прииск. Для такого важного дела у них можно золото взять, – тут же услужливо подал идею якут.

Лосев оглядел товарищей. В их глазах загорелись искорки надежды.

Подполковник задумался. Им владели двойственные чувства. Он понимал: прииск, конечно, шанс, и шанс редкий, но это разбой.

Разрешил сомнения штабс-капитан:

– Господин подполковник, такой случай может больше не представится. Не до реверансов! Брать надо!

– Тогда уж не брать, а занять на время, с возвратом, и расписку дать, – наконец, согласился Лосев.

– Конечно, конечно! – обрадовано засуетился якут. – Скоро туда заказ везу. Буду смотреть, потом вместе пойдем, лошадок дам.

Необходимость угождать покупателю, постоянный поиск выгоды обкатали купца, как вода камень. Он стал гладким окатышем, который удобно лежит в руке, не царапая кожу. Русский язык для него был практически родным. Мать прислуживала в семье богатого русского купца. И Василий, играя с хозяйскими детьми, научился довольно грамотно изъясняться.

Якут настолько хорошо знал русский язык, что даже писал своим сородичам за отдельную плату письма, запросы, но, дабы угодить «заказчику», дать ему возможность почувствовать свое превосходство, любил играть роль малограмотного простачка. Именно из этих соображений слегка коверкал язык и одевался как бедняк – старый сермяжный кафтан¹⁵, латаные ичиги, ***

После обеда, Лосев, проходя мимо коловшего березовые чурки Дубова, попросил:

– Ваня, сделай милость, взбодри баньку.

– Сей момент, вашбродь – на вчерашних дрожжах мигом вспрынет. – Казак, представив, как хлещется пихтовым веником, блаженно улыбнулся: любил он это дело до крайности.

– Да проследи, чтоб угли стлели.

– Помню, помню, вашбродь...

Иван запарил в шайке веники и давай нахлестывать подполковника сразу двумя, да так, что тот застонал от приятно обжигающего жара. После Лосева пошли штабс-капитан с ротмистром и поручиком, к ним присоединился и Василий.

Привычные офицеры сразу взобрались на полок. Якут пристроился на чурке. Прогрелись до обильного пота, и давай охаживать друг дружку. Чуть пар спадет – так на раскаленные камни с ковшом опять летит духмяный настой. И мужики пуще прежнего молотятся, счастливо вопя: «Баня – мать родная», «Кто парится, тот не старится». Тут Василий не выдержал, выскочил отпыхиваться:

– Такая мать не нужна, лучше стариться буду, – бормотал он, тяжело дыша.

Помывшись, разопревшие, помолодевшие мужики долго наслаждались заваренным на травах чаем.

«Эх, да нагулялось, да наплавалось молодцам...», – вывел от избытка чувств ротмистр. Его дружно подхватили. Вскоре исчезло все, кроме песни. Пели так, что казалось, листья дрожат от мощного рокота слаженных голосов.

У якута перехватило дыхание – такая внезапная, жалость пробудилась в его сердце к этим заброшенным в глухомань служивым, что и самому захотелось вплести свой голос в их стройный хор.

¹⁵ *Сермяжный кафтан – верхняя одежда из грубого домотканого неокрашенного сукна.

* * *

Чем ближе отряд подходил к прииску, тем чаще натыкались на лежащий в отвалах песок, местами перемешанный с черными углями (по всей видимости, старатели отогревали стылую землю).

Из-за наплывшего с реки тумана видимость в низинах не превышала десяти саженей. Звуки глохли, очертания деревьев расплывались. Наконец, из белой мути проступило стоящее на пригорке длинное приземистое строение с двумя печными трубами. Вокруг старательский инструмент: грохота, тачки, бутары.

В этот момент над головами путников, раздался оглушительный треск, хлопки тяжелых крыльев и кто-то черный сорвался с дерева. Люди невольно вскинули карабины, но Шалый успокоил:

– Без паники, глухарь!

Зайдя под крутояр, спешили. Якут остался присматривать за лошадьми, а белогвардейцы, сняв ичиги, обули сапоги и, одетые по всей форме, неслышной поступью прокрались по росистой траве к бараку.

Четверо встали у окон, остальные подошли к двери.

Дубов осторожно открыл её. Посреди барака с перекладки над столом, свисала тускло светящая сквозь прокопченное стекло керосиновая лампа. Рядом, на чурке сидел и мирно посапывал, зажав между колен бердану, дежурный. Осторожно подойдя, казак выдернул ружье и гаркнул во всю глотку:

– Подъём! Выходить по одному! Вы окружены!

На дощаных нарах, потягиваясь, зашевелились:

– Что за шутки, Борзой! Наломался, что ль, вчера? – прохрипел кто-то из дальнего угла.

Дубов, вскинув карабин, три раза выстрелил в потолок и проревел:

– Всем на выход!

– Тихо, тихо, чего шумишь, не глухие, так бы сразу и сказал, – спокойно отозвался все тот же хриплый голос.

Выходящих тщательно обыскивали. С одного сняли кожаный пояс, заполненный золотым песком, у троих нашли ножи.

Приставив к старателям часовых, Лосев со штабс-капитаном зашли в барак. Золото долго искать не пришлось. Оно хранилось в обитом железными полосами сундуке. Сбив замок, увидели тугие кожаные мешочки, заполненные чешуйчатыми пластинками лимонного цвета, и берестяной короб с бесформенными комочками самородков. Прикинули вес – пуда полтора потянет!

У Шалого проявилось завидное чутье на рыжуху: еще около четырех фунтов насобирал из потайных старательских схронов.

Взобравшись на чердак, обнаружили связки «мягкого золота» – соболю и беличьи шкурки.

– Летом же пушнину не промышляют, – изумился поручик.

– Так то с зимы висят. Все «выходные», первым сортом пойдут. Оне, похоже, круглый год тута обретаются, – пояснил Иван. – Как оставишь инструмент и барак без присмотра?

Лосев, выйдя к старателям, поправил погонный ремень, и, откашлявшись, объявил, что он, подполковник царской армии, по закону военного времени изымает у них все золото под расписку. Оно пойдет на борьбу с большевистским режимом и будет возвращено артели после установления в Якутии законной власти.

Угрюмые старатели слушали молча. Вид казаков и офицеров, облаченных в амуницию и начищенные до блеска сапоги, произвел на них сильное впечатление. Вместе с тем их душила обида, что вот так, без затей, у здоровых мужиков отнимают результаты многомесячного каторжного труда.

– А детей малых да баб наших вы, что ль, кормить будете?! – спросил, зло глядя исподлобья на золотопогонников мосластый, смахивающий на шатуна, старатель.

– Брось жалиться. Вона сколь пушнины оставляем на прокорм, – осадил его Дубов.

Когда мешочки с золотом разложили по выюкам и уже собирались уходить, рослый, широкий в кости мужик, с темно-русой окладистой бородой чуть не во всю грудь, сделал чеканный шаг вперед. Весь его облик говорил о недюжинной силе. Вытянувшись по стойке смирно, он чуть было не козырнул, да спохватился – без головного убора ведь.

– Господин подполковник, разрешите обратиться, – раздался уже знакомый хрипловатый голос.

Лосев с удивлением обернулся:

– Обращайтесь.

– Дозвольте послужить делу освобождения Якутского края от большевиков.

– Кто такой?

– Есаул Суворов. Вот, – протянул он удостоверение с двуглавым орлом.

Подполковник взял документ и прочел, чтобы все слышали: «Суворов Назар Петрович, 1889 года рождения, великоросс, православный, казачьего рода». Полистал. На следующих страницах стояли штампы, двуглавые печати. Перечислены чины. Последний – есаул.

– Ишь-ты! Ровня, – оживился ротмистр.

– Господин есаул, а вы сознаете, что в случае неудачи красные нас всех повесят, в лучшем случае расстреляют?

– У меня с ними, ваше благородие, свои счеты. В семнадцатом пристрелил агитатора за подстрекательство к отказу от присяги Престолу и Отечеству. В отместку, пока я ночью караулы проверял, жену в постели топорами изрубили. Грудничок двухмесячный без матери стоял и помер у меня на руках, – дрогнувшим голосом произнес старатель.

– Что думаете братцы? Принимаем пополнение? – обратился к соратникам Лосев.

– Как не принять? Свой человек.

– Вы, господин есаул, из старожильских¹⁶ иль из расейских казаков будете? —поинтересовался Шалый.

– С Уральского казачьего войска я. Можно сказать, с середки¹⁷.

– Стало быть, не из нашенских, но и не чужой.

Старателей загнали обратно в барак и заперли. Тут обнаружилось, что есаул исчез. Собрались было организовать погоню, как он вышел из густого ельника с туго набитой котомкой.

– Вы что, господин есаул, устав забыли? Ушли без доклада.

– Виноват, ваше благородие. Вещи взял.

Офицер развязал мешок, и все увидели сложенную казачью гимнастерку с серебристыми погонами и тёмно синии брюки с жёлтыми лампасами.

– Господа, взгляните, – человек форму сберег! Весьма похвально! – одобрил подполковник.

Уходя, долго путали следы. На одной из лужаек, сплошь покрытой кустиками княженики, не устояли – задержались. Малиново-красных ягод на коротких стебельках было так много, что стоило ступить, как под ногами растекался алый сок. По форме она похожа на малину, а по вкусу – земляника, только сочнее и слаще. Недаром зовется – княже-ни-ка! Княжна среди лесных ягод!

В гарнизоне поважневший якут подошел к Лосеву и протянул пустой мешочек:

– Ваше степенство, отсыпьте за добрый совет.

¹⁶ Старожильские – сибирские казаки. Тех кто приехал с матёрой России недавно, называли – расейскими.

¹⁷ В Российской империи в 1916 году имелось двенадцать казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Енисейское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское. Общая численность казаков на тот период составляла 5 миллионов человек.

– Ох, и хитрован ты, Василий!

– Куды черт – хитрован! Трудно стало жить. Мал-мало зарабатывать надо, – надулся тот.

Разложив все золото по четырем вьючным сума и насыпав сверху для маскировки кедровых шишек, якут притянул бесценный груз ремнями к бокам низкорослых, мохнатых лошадок. Соединил их друг с другом длинным кожаным ремнём и, ещё раз проверив ладно ли приторочены вьюки, оседлал переднюю.

Тронувшись, запел песню о том, какой умный и хозяйственный Василий Сафронов. Ни один якут не может сказать, что его голова мхом набита. Скоро его друзья офицеры получат много ящиков с патронами. Когда они перебьют красных, Василий опять станет уважаемым человеком. Он знает многих, кто пошел бы драться с красными. Он поможет собрать большую армию, чтобы прогнать большевиков, которые мешают ему, честному купцу, торговать.

Так пел он в своей бесконечной песне. Но пел, на всякий случай, тихо, чтобы никто, даже медведь, не услышал и не разнес по тайге его слова...

Монотонная жизнь обитателей гарнизона стала насыщенной. Утренние построения, рукопашные бои и стрельбы по мишеням приобрели конкретный смысл. Теперь только и говорили о скорой военной кампании...

Неожиданно пополнение

Якут в гарнизоне появился в начале осени.

– Не ругай, ваше степенство, опоздал маненько – болел.

– Патроны привез?

– Море скоро мерзнет, шхуна не ходи. Лето ждать надо, – ответил купец, щуря и без того узкие прорези глаз.

– Брешет он, плут толстомордый. Наверняка рыжуху прикарманил, – не сдержался ротмистр Пастухов.

– Куды, черт! Зачем так говоришь? Не слушайте его, ваше степенство. Василий Сафронов честный купец. Золото давал фактории. Вот тебе крест.

– Эх, грому на тебя нет, душа торговая! Божишься и не краснеешь, – не унимался ротмистр.

– Твой ум короче комариного шага, – огрызнулся Василий.

– Ты, любезный, язык-то прикуси, и боеприпасы следующим летом доставь в гарнизон без отговорок. Мы тебе золота с избытком дали, и ты уговор выполняй! – одёрнул купца подполковник Лосев.

– Хорошо, хорошо, ваше степенство, – тут же миролюбиво закивал Сафронов. – Шхуна не пришла, что могу делать? Шхуна придет – патроны привезу. Сердиться не надо. Василий любит, чтобы друзья довольны были. Мужуку плохо одному. Баба есть – мужуку хорошо! – С подобострастной ласковостью пропел услужливый якут. – Погодите, я мигом. Василий скрылся за деревьями и вскоре вышел с девушками. Пять смуглолицых, кареглазых, с черными косами красавиц смущённо поглядывали на мужчин.

– Ваше степенство, выбирай первым, – елейным голоском предложил, низко поклонившись, Василий.

– Откуда они у тебя?

– Должники рассчитались. Всех вам дарю – мужуку нельзя без жены. Мне соболь за них не надо. Василий добрый якут. Людям всегда хорошо делает, поэтому его все любят... Продукты вот вам еще привез. Посуда еще есть. Бери что надо, рассчитаетесь потом, – суетился купец, то и дело ласково улыбаясь.

– Это что ж получается, золото прихапал, а теперь барышнями хочешь откупиться!? Так не пойдёт. Нет патронов – возвращай золото, шельма, – затряс Василия за грудки взбешённый ротмистр.

– Зачем плохо думаешь. Как золото верну? Всё фактории сдал, а шхуна не пришла. Что делать могу?... Если жена не надо – увезу. Хотел добро делать. Думал радовать.

«Да, дураком я был, что понадеялся на якута. Видел же – каверзный тип. Но и ссориться с ним нельзя. Может, оно и неплохо, что женщин привел. Не по христиански, конечно, всё это. Однако и в этой глуши жизнь как-то надо налаживать. Надеялись, что скоро на настоящее дело пойдём и на тебе – такая осечка, – пронеслось в голове Лосева. Вслух же сказал:

– Господа, сами решайте. Я в этом деле вам не указ.

Офицеры и казаки, забыв про патроны, невольно приосанились.

– Ваше благородие, казаку ни как не можно без жены. Да и девчата хороши! Ладненькие, миленькие, – быстрее других сориентировался прыткий Шалый и тут же подскочил к засмущавшимся девушкам и приобнял одну из них за талию, – Дозвольте эту?

– Господа! Мы же не на рынке. Не лошадей покупаем. – Возмутился есаул. – Если уж на то пошло, всё должно быть с взаимного согласия, без понуждения. Пусть пару дней поживут, к нам присмотрятся, мы к ним, тогда уж видно будет кто кому глянется.

– Верно, дело серьёзное. Торопиться не следует. Пусть поживут, – подвёл черту Лосев, понимавший, что люди сейчас крайне раздражены, разочарованы и требуется время чтобы успокоились. Сам он давно смирился с мыслью, что из тайги ему уже не выйти и супругу не разыскать.

В этот же вечер к нему подошли штабс-капитан Тиньков и юнкер Хлебников.

– Господин подполковник, разрешите обратиться.

– Обращайтесь.

– Мы с юнкером по этическим соображениям отказываемся принимать участие в «покупке» женщин.

– Я вас понимаю и уважаю ваше решение.

На четвёртый день Лосев построил гарнизон и, дабы избежать конфликтов, попросил девиц самим выбрать спутников жизни – кому кто приглянулся. Все, как сговорились, указали на него. Тогда подполковник подошел и галантно подал руку понравившейся якутке. У Василия при этом глаза от радости прямо-таки засияли – это была его внебрачной дочь. Выбор остальных пал на казаков. Практичным женским умом они безошибочно определили, что с ними не пропадут.

– Господин подполковник, а как без венчания? Грех ведь, – заволновался глубоко верующий Дубов.

– Не беспокойтесь. Что в уставе сказано? В военное время старший чин всему голова. Так что я у вас один во всех ипостасях. С Божьей помощью повенчаю.

* * *

Минуло два года. Поселение стало не узнать. Офицерам, обученным в кадетских и юнкерских училищах только воевать, крайне повезло, что в отряде были выходцы из казачьего сословия: эти сноровистые мужики умели делать буквально всё.

Когда в гарнизоне появилось пять супружеских пар, и встал вопрос, где жить семейным, казаки сразу принялись за дело. Свалили на склоне горы, напротив землянок, пихты. Обрубив сучья, спустили хлысты¹⁸ по каткам вниз, ошкурили. Мастерски выбрали четвертя, срубили в верхнюю чашу углы с выпуском. Работали весело, подшучивая друг над другом, и, то и дело, приговаривая «кабы не клин да не мох, плотник бы сдох».

На нижние венцы использовали лиственницы, спиленные в полнолуние. Такие бревна не поддаются гниению и, делаясь все крепче, служат веками. Дерево для порогов и окон выбирали около муравейников – оно стойчей всех от тлена.

Офицеры были только на подхвате: принести, подать, подержать. Из них лишь есаул и мичман мало-мальски владели топором.

Собрали на мох два первых сруба-крестовика. Нижние венцы из лиственницы, верх – пихтовый. Лиственница крепче, пихта теплее. Накрыли двускатными тесовыми крышами. Окна прорубили на солнышко всего в три бревна, а пороги оставили высокие – для сбережения тепла. Больше до снега не успели.

Дубов не удержался и украсил окна резными наличниками. Для пола и потолка напилили плах. Из дикого камня сложили печи. Горницу разделили временными перегородками. Двери, чтоб не пробил мороз, обили с двух сторон шкурами. В сенях лестница на чердак и клеть для хранения продуктов. Дома получились ладные, опрятные.

В следующее лето поставили еще четыре избы. Для них брёвна готовили загодя, в феврале, на ущербе месяца. Деревья в эту пору спят – соку мало. (Весной и летом они все в соку, от чего при сушке лопаются).

¹⁸ *Хлысты – ствол дерева, отделённый от корня и очищенный от сучков.

Всего получилось шесть изб: пять для семейных и одна, побольше, для холостяков. Поселение, по предложению поручика, обнесли для порядка и безопасности высоким заплотом: ему больно хотелось, чтобы их небольшой гарнизон был похож на настоящую крепость.

У домов на припеке весной устроили гряды. Посадили лук, редьку, картошку. Семена для посадки услужливо доставил всё тот же Василий. Дубов собрал в лесу несколько пчелиных роев и расселил их в заранее подготовленные колоды. Кроме того, вблизи полян, богатых медоносами, выдолбил в нескольких кедрах полости. Внутри навешивал остатки сот. Пройму, через которую вырубал дупло, плотно закрывал деревянной вставкой. В период роения пчелы-разведчики быстро находили надежные, теплые жилища и приводили в них рои. К осени соорудил омшаник. Уже следующим летом меду взяли столько, что еще с пол пуда выделили на обмен с якутом.

Зимой добывали зверя. Шкуры выделывал Шалый, а супружница Ульяна¹⁹ шила из них одежду и обувь. Как-то он попросил её сшить ему шубу из медвежьей шкуры.

– Чур, тебя, чур! – замахала она руками, – Нельзя одевать шкуру амаки, худо будет.

Наденешь шкуру амаки, его дух за тобой придет. Накажет за то, что убил.

Про патроны уже и не поминали. У Василия всегда был один ответ – «шхуна не пришла». И горестно вздыхая, широко разводил руками. Белогвардейцам же ссориться с якутом было опасно. Он хоть и обдирал их, как липок, – все из осьмины норовил четвертину вытянуть, но необходимым обеспечивал. Что ни закажешь, все доставит.

Порой обитателей гарнизона все же посещали робкие мысли выйти, сдать на милость властям. Но, выслушав в очередной раз рассказы якута о том, какие суровые приговоры выносятся даже тем, кто всего лишь однажды помог белым, они быстро улетучивались. Понимали, что купец может и приврать, чтобы не потерять выгодных покупателей, но все равно было боязно.

Оставшиеся без женщин офицеры, уже на второй год стали просить якута привезти и для них невест, но тот почему-то упорно отказывал.

Особенно донимал купца ротмистр.

– Василий, выручи! Окажи милость – мне хоть косую, хоть кривую. А то ведь помру, так и не посеяв семени, как будто и не жил на земле. Страшно ведь. Сколько скажешь, заплачу, выручай!

Однако якут, против обыкновения, был тверд и непреклонен. Дело в том, что один из его должников пожаловался участковому милиционеру: мол, Сафронов Василий его дочь на год взял за долги и никак не отдает. Еле выкрутился. Пришлось самому одаривать жалобщика, чтобы тот сказал, что дочь, оказывается, у больной тетки живет – смотрит за ней.

* * *

Отец Хлебникова был священником, и Антон с малых лет вплоть до кадетского училища не только пел на клиросе, но и замещал то заболевшего пономаря, то подьячего, то звонаря. Приученный к твердым церковным порядкам, юнкер и здесь старался регулярно выполнять положенные обряды, молился за здоровье обитателей гарнизона. Постепенно к нему начали присоединяться и другие. Последним штабс-капитан, да и то из солидарности. На главные наместольные праздники собирались, как правило, в доме командира.

Перед рождением первого младенца срубили ладную часовенку. Лосев поставил в ней свой походный складень. Вместо лампадки повесил плоску с фитильком из скрученных прядок лишайника и в дальнейшем каждое воскресенье Хлебников стал вести службу.

Зная наизусть почти все Евангелие, он всегда к месту рассказывал что-нибудь из жития святых, пел красивым голосом псалмы. Так постепенно и служба по чину наладилась.

Лосев как-то даже пошутил:

– Ты, юнкер, среди нас самый молодой, а уже учительствуешь.

¹⁹ Подавляющее большинство якутов были крещёнными и имели русские (православные) имена.

– Господин подполковник, Боже упаси, я не учительствую. Просто пытаюсь донести до всех слова Господни.

– Ты не обижайся, я очень одобряю твои старания.

В один из вечеров, когда холостяки собирались ложиться спать, ротмистр с юнкером вышли на крыльцо. На небе сияла луна, где-то вдали настойчиво гукал филин.

– Хорошо-то как! Почти как дома, – сказал Пастухов и повернулся к Антону:

– Я сегодня внимательно слушал твою проповедь о совести. Говоришь верно, но от того безумия, что охватило Россию, просто оторопь берет. Мы сражались за правое дело, а проиграла большевикам. Как Господь мог допустить победу воинствующих богоненавистников?

– Сам об этом часто думаю. Знаете, у меня из головы не выходит разговор с отцом, состоявшийся в девятнадцатом, когда заехал к нему в Самару. Так вот, он убежден, что в мире всего поровну: есть день и ночь, есть плохие люди и хорошие. Так же и у Бога есть супротивник — диавол. Он властвует под землей, а Бог на небесах. Земля – поле их брани, на коем они сражаются за наши души. Бесы долго разжигали в нашем народе жажду перемен, и мы поддались им. Господь и решил – хотите жить по законам зла? Пожалуйста, – мешать не буду, но сами потом расхлебывайте то, чего возжелали, а явившись ко Мне не ропщите за строгость Суда.

– Любопытно! То, что Бог и диавол на самой Земле равны по силе, пожалуй, верно. Иначе, как объяснить то, что диавол по сей день не побежден? Ты и сам, наверное, замечал, что тем, кто не покоряется ему, он старается создать на земле самые тяжелые условия и, постоянно нашептывая «предай, отними, обмани», пытается сбить с пути праведного. А заложившему ему душу – начинает помогать изо всех сил. И те, кто послабже духом, уступают. Рассуждают: есть ад или нет – неизвестно, сейчас мне хорошо и ладно. Не задумываясь, какая страшная кара ждет их после смерти.

– Наш полковой по этому поводу сходно говорил: «На кривде можно дальше уехать, чем на правде, но взыщется потом сторицей».

– Господь отправляет нас на землю для испытания. Выстоишь, сдашь экзамен – вернешься в Божье царство, а нет – прямая дорога в геенну огненную.

* * *

Вечера холостяки чаще всего коротали за разговорами. К ним на огонек заглядывали и семейные. Порой посиделки затягивались за полночь: у каждого за плечами была интересная, полная событий жизнь.

По большей части вспоминали детство, родителей, места где жили. Это объединяло их и поддерживало дух братства. Но, как ни старались избегать воспоминаний о революции, о Великой²⁰ и Гражданской войнах, все равно нет-нет да и сворачивали к этой кровотокающей теме...

– Что-то Шалый который день не заглядывает. Без него скучновато, – однажды обронил мичман, срезая нагар с фитиля светильника.

– Опять, поди, полы драит, женушка-то у него на сносях. Сходи, помоги, коль соскучился, – с улыбкой откликнулся поручик Орлов.

Он был, что называется, книжник. Благородный, элегантный и вместе с тем несколько высокомерный молодой человек. При этом в боях показал себя столь отважным и грамотным офицером, что генерал неоднократно отмечал его в приказах.

– А что, я это запросто! На флоте изрядно драить пришлось!

– Послушай, мичман, ты ведь вроде из землепашцев. Рассказал бы, как морским волком стал.

– Ничего романтического. Наша семья по переселенческой программе в 1911 году переехала всей улицей из Костромской губернии в Уссурийский край, в поселок Терней. Это на

²⁰ *Великая война – так современники именовали Первую мировую войну.

берегу Японского моря. Как и многих, бату поманило обещание безвозмездно выделить 100 десятин²¹ земли по выбору. К тому же, проезд оплачивали, да еще в дорогу на каждую душу выдавали по полтине золотом и пуду зерна.

Отец с соседом взяли на новое место столько инвентаря, машин, скарба и скотины, что пришлось к нашему вагону прицеплять еще открытую платформу и телятник.

Земли оказались плодородными. В кредит купили двухколёсные плуга, жатки-самосборки, конные грабли. Урожаи были отменные. Построили в складчину мукомолку. Пасека разрослась до ста семей. Дичи в тайге оказалось столько, что иной раз стреляли прямо со двора. Про рыбу уж и не говорю. За мануфактурой и прочей надобностью ездили в Харбин. Там всё было дешевле – товар таможенными пошлинами не облагался.

В достатке жили. У кого-то он был больше, у кого-то меньше – кто как смог развернуться, но никто не бедствовал. Да и грех было жить по-иному – море и земля кормили с избытком. Имелись, конечно, и лодыри, хотя и им вольготно жилось. Не считалось зазорным отвесить такому нескладехе меру муки. Наперед знали, что долг не вернет, но давали. И не подозревали тогда, что подкармливаем на свою голову тех, кто в восемнадцатом году, оказавшись в комбедах, нас же, своих благодетелей, достигших достатка упорным, каждодневным трудом, придут раскулачивать.

– Точно! Мы сами взрастили опору для большевиков – постоянно такого рода бездельникам жалеючи помогали. Я не про тех, кто увечный, такому дать – святое дело, а про любителей жить за счет других, – согласно закивал ротмистр. – Извини что перебил.

– Когда дошла весть, что началась война с германцем, хотя переселенцев не трогали, отец собрал нас и сказал: «Негоже нам, пятерым здоровым мужикам, в стороне оставаться – кому-то надобно на фронт идти».

Поскольку из всех только я был холостой, я и вызвался. В шестнадцатом году закончил во Владивостоке мореходку. В двадцать первом наш миноносец подорвался. Меня после санчасти откомандировали на охрану складов на острове Русском. А как услышал про набор Пепеляевым добровольцев в Якутскую дружину, так сразу и записался. А дальше вы знаете.

– Получается, что мы с тобой, мичман, почти земляки. Я ведь из Ярославской губернии, – неожиданно присоединился к беседе обычно помалкивающий поручик Орлов. – Господа, вы будете смеяться, а мне почти каждую ночь снится наше родовое поместье. Будто брожу я, то по усадьбе, то по аллеям старого парка... Все дотла сожгли! Другом нашей семьи был художник Нестеров, и все четыре картины, что он отцу подарил, в огне погибли....Непонятна эта страсть к разрушению. Почему бы не устроить там, скажем, школу? Сжигать – какая польза?

– Сейчас плачемся, а ведь сами радели за демократию! А надо было на корню давить большевистскую заразу, – с горечью заметил штабс-капитан Тиньков.

– И все же элемент демократии необходим, – возразил поручик.

– Какая к черту демократия?! – не сдержался штабс-капитан. – Хотите пример демократии? Вот послушайте. В бою под Уфой, в рукопашной красноармеец с криком «Подыхай, барин!» воткнул мне в легкое штык. Хотел еще пырнуть, да я его саблей успел по шее полоснуть. Он упал и тут я разглядел, что это наш садовник. В глазах злоба и хрипит: «Будь ты трижды проклят!» Каково! А мы его во Франции обучали, на именины одаривали, во флигеле отдельном с семьёй жил. Вот и вся демократия, господа!

– Тогда ж Уфу красные взяли. Как выбрался-то? – поинтересовался ротмистр.

– Башкир сердобольный на займке выходил. Когда окреп, купил у него лошадку, сани, мужицкий армячок и тулуп, и на восток по лесам двинул. Вышел к Транссибу. Сколько ехал вдоль насыпи, столько и видел промерзшие трупы людей, коней. Лежат, припорошенные снегом, где смерть настигла. Телеграфные провода оборваны, на ветру болтаются. На путях бро-

²¹ *Десятина – русская мера площади, равная 1,09 га.

шенные эшелоны: вагоны с выбитыми стеклами, искромсанные снарядами теплушки. В них заледенелые трупы. Больные и раненые, не способные двигаться, так и замерзли – кто на полках, кто в проходах.

Что, думаю, делать? Зашел к обходчику, тот говорит, что эдак до самого Омска. Решил: была, не была, двум смертям не бывать, одной не миновать – поехал на своей лошадке дальше. И добрался-таки до наших частей и сразу с ротой стрелков был направлен в Харбин сопровождать спецгруз – ящики с останками Великих князей с алапаевской трагедии²².

– Бедняги... Кто мог подумать, что на такое решатся – весь род Романовых истребили. Да так жестоко...

– А я, господа, поначалу даже обрадовался, когда царь отрекся от престола и свершилась Февральская революция, – признался ротмистр Пастухов. – Да и не только я – все устали от бездарных и несуразных приказов военного министра. Верил, глупец, в справедливую жизнь, хотя и страшновато без монарха было.

– К сожалению, ни Львов, ни Керенский не сумели остановить развал. Огромная империя погрузилась в неуправляемый хаос. Народ, забыв о Боге, Отечестве, пошел за кучкой авантюристов, бросивших голытьбе клич «грабь награбленное», – вступил в разговор есаул.

– А я сразу не принял революцию. И сердце, и разум противились. Я монархист. Жизнь положу за царя... это, господа, без позы. Временному правительству не присягал, – заявил поручик Орлов.

– Чувство долга, верность присяге, конечно, похвальны, но и мы Отечество не предавали, – ответил несколько смущенный ротмистр.

– То, что мы – офицеры, сошлись в схватке с большевиками, это естественно – спасали страну от крушения. А отчего брат на брата, сосед на соседа пошли? Вот непостижимая загадка! – задумчиво произнес юнкер.

– Ничего загадочного. Ответ на поверхности – зависть! Все враз захотели быть богатыми. И пошло: сплошное воровство, разбой. Как же: у соседа добра больше – надо отнять. И не хочет такой взять в толк, что сосед-то работал, как проклятый, а не в трактире со стопкой водки сидел, – вскипел есаул.

– Так много было и тех, кто вроде и не пьянствовал, а из нужды не вылезал. Я хорошо татар и башкир знаю – у них бражничать вообще не принято. Так и они бедствовали, – возразил ротмистр.

– Конечно, дело не только в зависти и лени – можно подумать, будто их прежде не было. Ноги наших бед растут еще из 19 века. Тогда в России стал насаждаться принцип личной свободы, который, к сожалению, в нашей стране из-за незрелости общества обратился в губительное зло. Яркий пример тому – убийство Александра II. Человек отменил крепостное право, начал проводить демократические реформы, а народники, сами же ратовавшие за все это, таким образом «отблагодарили» его, – парировал Лосев.

– Что верно, то верно – демократия не для нас, – подтвердил штабс-капитан.

– Ну почему же? Демократии нужно учиться. Тут не без ошибок. Если держать народ в железных рукавицах, контролировать каждый вдох и выдох – получим совершенно неспособную к самостоятельному существованию массу. Если бы Столыпину дали довести реформы до конца, то, я в этом уверен, никакой катастрофы не произошло бы, и Россия могла стать самой процветающей державой, – упорствовал поручик.

²² *В Алапаевске (100 вёрст от Екатеринбурга) 18 июля 1918 года были сброшены в одну из шахт рудника, глубиной 28 сажень (около 60 метров), близкие родственники семьи императора – Великие князья и княгини с верными им людьми (всего восемь человек). В сентябре 1918 года Алапаевск был освобождён от большевиков армией Колчака, которая при отступлении осенью 1919 года вывезла их останки с Урала и долгой опасной дорогой доставила их через Читу, Харбин в Пекин, где они 16 апреля 1920 года и были захоронены.

– Но и монархию не нужно, друзья, идеализировать. Революция не была случайностью. Царь, возможно, человек хороший, но правителем оказался никудышным. В одну войну ввязался, вторую. Обескровил, истощил страну, а в критический момент, вместо того, чтобы власть употребить, бесхарактерно отрекся от престола.

Мы запутались в вечных вопросах: что правда, что ложь, кто виноват и что делать? Для меня теперь совершенно очевидно, что в Гражданскую выбор шел между двумя равновеликими неправдами. Мы защищали одну неправду, приведшую к революции, от другой, разрушившей страну и выкосившей самый плодородный слой общества, взращивавшийся веками. К сожалению, не нашлось в России силы, которая привела бы ее к той единственной, приемлемой для всех правде, – попытался подвести черту, подполковник.

– Верно! Жизнь – это река, у которой два берега: берег добра и берег зла. А между ними множество течений. Одни несут к берегу добра, другие к берегу зла. Нашу же страну, похоже, подхватили потоки, несущие прямо в преисподнюю, – с грустью произнёс штабс-капитан.

– Русский всегда идет вперед. Но иной раз прямо к обрыву, – начал было есаул, но подполковник его перебил:

– Господа, есть факт – большевики победили. И оттого, что мы сейчас с умным видом рассуждаем, нужна демократия, не нужна демократия, ничего не изменится! Давайте лучше подумаем о том, как нам жить дальше. Ведь мы оказались изгоями в своей собственной стране, и даже хуже – объявлены ее врагами.

– Крамола кругом! – прокричал вдруг ротмистр Пастухов, дико вращая глазами.

– Тихо, тихо, господин ротмистр! Не волнуйтесь – зачинщиков уже арестовали, порядок в гарнизоне восстановлен, – привычно успокаивал его штабс-капитан, выводя контуженного на свежий воздух.

На крыльце Пастухов принялся отчаянно растирать лицо. Буйная растительность, забывшая бритву, закрывала всю его физиономию, оставив в неприкосновенности лишь губы, нос и горящие безумным огнем глаза, да на макушке поблескивала загорелая лысина.

– Проклятая контузия! – Ротмистр расстегнул тугий воротник, глубоко вздохнул несколько раз. – Вроде отпускает... благодарствую. Волноваться совсем нельзя... Идите, я немного подышу, – оправдывался он, виновато улыбаясь.

Золотая лихорадка

1931 год.

С появлением в гарнизоне женщин его обитатели разделились на два дружественных, но с разными интересами лагеря: холостяков и семейных.

Последних, установившаяся, размеренная, полная домашних забот жизнь устраивала. Лосев, правда, тосковал по семье, оставшейся во Владивостоке, но вместе с тем понимал, что шансов найти её нет. А якутка Соня, не чаявшая в нём души подарила ему двоих замечательных мальчиков. Старший уже помощник – носит дрова к печке, воду с ручья. Второй выюном в зыбке ворочается, подвесом поскрипывает.

Холостяки же чувствовали себя обделенными. Им тоже хотелось, чтобы рядом была женщина, которая даст продолжение роду. В итоге они стали склоняться к мысли, что единственный способ исполнить это желание – эмиграция в Русскую Америку или ещё куда. Осуществить это можно было только выйдя к побережью Охотского моря. Там мичман рассчитывал найти друзей по мореходке и с их помощью нанять судно. Но прежде следовало запастись золотом. Каждый из них уже строил планы на новую жизнь.

Юнкер грезил служением Богу в православном храме. Штабс-капитан мечтал заняться разведением скаковых лошадей, да таких, чтобы брали все призы. Близнецы Овечкины просились к нему конюхами. У мичмана программа была попроще: купить домик с землицей, жениться и родить кучу детей. С конца мая, лишь только на речушке сошел лед, они, а с ними за компанию и женатые казаки, занялись старательством.

У холостяков, не обремененных семейными заботами, рыжуха прибывала намного быстрее. И не удивительно – они посвящали промыслу практически весь световой день.

Труд старателя незатейлив, но требует крепкого здоровья и упорства. Стоять часами в студеной воде, от которой уже через минуту ломит ноги, не каждый способен. Икры к вечеру багровели, покрывались синими узорами вздутых вен. Суставы опухали и ломило их так, что приходилось каждый вечер прогревать в жаркой бане. Если и это не помогало, тогда уж ничего не оставалось, как томиться несколько суток на теплой печи.

Жалея мужей, женщины из продублённых, пропитанных медвежьим жиром, шкур сшили непромокаемые бродни. (Нитки делали из сухожилий: разминали их руками и, отделив самые тонкие волокна, сучили на голом колене.) Теперь женатики, надев под бродни меховые чулки, могли спокойно стоять в воде весь день. Чтобы бродни не рвалась об острые камни, поверх них натягивали короткие ичиги из лосиной сыромятины. Такая обувка оказалась столь практичной и теплой, что и холостяки стали заказывать ее.

Мастерицы голенища бродней украшали узорами и красили в желтый цвет— отваром коры ольхи, или в красный – отваром лиственницы. А чтобы краска не смывалась, в отвар добавляли порошок из рыбьей икры.

Добыча на речушке падала, и, сдружившиеся Суворов с Пастуховым, решили попытать счастье на притоке, верстах в двух от первых промывок.

Начали мыть прямо с устья. Есаул первым зачерпнул галечник лотком – небольшим корытцем, выдолбленным из ствола тополя, с пологими краями и поперечной канавкой посредине. Покачивая его на руках в проточной воде, он смывал песчинки и камушки до тех пор, пока в бороздке не остались только крупинки тяжелого желтого металла. Полученный «улов» порадовал. В следующем заборе он оказался еще богаче. Хмелея от азарта, есаул Суворов заорал:

– Пастухов, сюда!

Сверкая загорелой лысиной, обрамленной венчиком седеющих волос, тот подошел, гордо неся свою добычу, тускло поблескивающую на дне проходнушки, застеленной для сбора самых

мелких частиц ворсистым куском шинельного сукна. У него золотинок оказалась заметно больше.

– Ну, ты даешь! Превзошел учителя! – восхитился есаул.

Золото в этом притоке напоминало хорошо отшлифованные сплюснутые зернышки, тогда как на старом месте оно имело вид тонких чешуек.

По дороге в гарнизон Суворов задумчиво пробубнил:

– Мы думаем, что ищем золото. Нет, это оно ищет нас: чем больше его имеешь, тем вернее ему служишь. Я ведь когда пошёл к вам, надеялся от этой болезненной страсти избавиться. Ан нет, не вышло – и тут рыжѐ достало.

До морозов холостяки намыли более пуда. На каждого получалось шесть фунтов. По расчетам, этого должно было хватить на дорогу и обустройство на новом месте. Договорились трогаться в путь, как только сойдет снег.

Мешочки с золотым песком каждый день напоминали обитателям гарнизона о долге перед старателями прииска Случайный. Теперь-то они хорошо представляли, какого труда стоило тем намыть реквизируемые почти два пуда. Больше всех терзался угрызениями совести подполковник. Честь офицера, укоренившаяся в сознании с кадетского корпуса, постоянно корила его. В конце концов он позвал всех на совет.

– Господа, я пригласил вас, чтобы обсудить один, довольно щепетильный вопрос. Держать слово, данное артельщикам, или махнуть на наше обязательство рукой?

Офицеры, уже настроившиеся по окончании зимы выбираться к морю, приуныли: если возвращать долг, то их эмиграция отложится как минимум на год, а то и два. Пойти на это было непросто, особенно холостякам, но большинство, не без внутренней борьбы, все же согласилось, что нарушать слово офицера им не к лицу. Более других ратовал за возврат долга есаул. Ему, как никому другому, было понятно, что значило для старателей и их семей изъятое золото.

После принятия этого мужественного решения договорились в дальнейшем намытое делить на две равные части. Одна в долговую казну, вторая на личные нужды.

Наступивший сезон отработали, как заведенные, и, сами того не ожидая, к осени собрали необходимое количество золотого песка и самородков. Выручила богатая золотоносная жила. Только на ней за две недели намыли почти пуд шлихового золота.

На прииск отправили Суворова с Дубовым. Барак они нашли легко. Тот, правда, стал раза в три короче и выглядел совершенно заброшенным. Отворили дверь – ни души.

– Неужто разъехались? – расстроился Суворов.

– Да нет, кто-то живет. Вон чайник на печи, вода в ведре чистая. Надо бы разобраться, кто здесь теперь хозяйничает, – произнес рассудительный Дубов.

– И то верно. Только давай, от греха подальше, в лесочке покуда затаимся.

Вечером объявились-таки хозяева – трое усталых оборванцев с пегой, понурой собачонкой. Есаул признал товарищей.

– Саватей! – окликнул он по имени одного из них.

Тот удивленно уставился на человека в казачьей амуниции.

– Суворов, ты что ль?

– Кто же еще?! А где остальные?

– Мы одне. Как основная рыжуха кончилась, так и разошлась артель. На соседний прииск подались. А мы так и моем по-немногу тут. Барак токо укоротили, штоб помене топить. Зимой соболя промышляем... Ты-то как? Поважнел, вроде.

– Слава Богу! Грех жаловаться. Мы к вам от подполковника с поручением долг вернуть. Старатели вытаращили глаза.

– Эт как понимать? Неужто рыжуху?

– А то! Взаймы ведь брали. Только как с остальными быть? Далеко тот прииск?

– Не больно. Я за день ходил, – ответил Саватей.

- Отлично! Отнести долю ребятам сможешь?
 - Запросто! Вот мужики обрадуются!... Ужель не шутишь?
- Есаул вынул из котомки четыре тугих, увесистых мешочка:
- Вот, ровно столько, сколько брали.

Старатели онемели. Потрясенные честностью офицеров, они стояли истуканами, боясь прикоснуться к неожиданно свалившемуся богатству.

– В акте распишитесь все трое, – ткнул пальцем в бумагу Суворов. – И остальным долю отдайте по-честному. Да не вздумайте шалить. Про обман все едино узнаем. Руки лично пови-дирую, ежели что.

Пока разговаривали, к собачке подбежали два длинноухих зайчонка-подростка и легли у ее ног. Та сразу принялась тщательно вылизывать их. Теперь у Суворова с Дубовым от изумления глаза сошлись на переносице.

– Что, дивно? И мы дивились, когда Мулька весной их притащила. Зайчиху-то задавила, а мальцов пожалела. Сама щениться уж не могёт, а понянчить малых ишо охота. Всё лето вози-лась с ними. Насилу выходила. Оне так тута и живут. Нам хорошо: коль прижмет – провиант под боком.

– Как можно?! Они к вам, как к родителям, а вы – «провиант»! Не по-христиански это, – заволновался Дубов.

– Да эт я так, шутейно... Сами к ним прикипели. Другой день, ежели не появятся, так переживаш, будто за дитё малое, а прискочут – праздник, – оправдывался Саватей.

* * *

Вернув долг, офицеры почувствовали, что с плеч как будто свалилась огромная тяжесть. Теперь они могли с чистой совестью готовиться к отъезду. Всю зиму только и делали, что пере-бирали вещи, решая, что взять с собой, что оставить. За время жизни в гарнизоне каждый успел окружить себя не только нужными, но и милыми, дорогими сердцу вещицами. Получа-лось, как ни крути, вместе с харчами, оружием, боеприпасами груза у каждого из них набира-лось по три-четыре пуда.

– И как мы с такими торбами потащимся? – заныли братья Всеволоды.

– Может, заплатит якуту, чтоб на лошадках доведет? – предложил юнкер.

– До побережья он нас доведет, но три шкуры сдерёт за это. Потом, кто знает, сколько времени там мыкаться придется, пока судно найдем? Могут и арестовать, – высказал свои опасения есаул.

– Господа! Предлагаю построить струг и, спустившись по реке, дрейфовать вдоль бере-говой линии. – Подал смелую идею мичман. – Василий говорил, что американцы несколько новых факторий открыли. Рано или поздно кого-нибудь зафрахтуем. А не повезет, так на том струге на Сахалин махнем. Компас у меня есть, парусину Василию закажем.

– Молодец! Толково придумал! Тогда и золото сэкономим, – обрадовались Овечкины. Эта идея остальным тоже пришлась по душе.

Лосев, узнав о намерении товарищей, расстроился, но пообещал выделить на подмогу двоих казаков, сведущих в плотницком деле.

Кораблекрушение

Струг заложили в конце апреля, в семи верстах от гарнизона, на берегу реки, несущей свои воды в Ламское* море. Лес для постройки готовили там же. Чтобы не тратить драгоценное время и силы на переходы, ночевали на «верфи». Из наносника – сухих стволов, выброшенных на косу, – соорудили временную хижину.

Вставали чуть свет. Работа, в предвкушении новой жизни, спорилась. Солнце, ненадолго прятавшееся за цепью синих гор, каждое утро спешило вскарабкаться повыше и выплеснуть потоки света и тепла на корабелов и оживающую тайгу. Из-под снега вытаивали гроздья темно-красной брусники, оголялись влажными лысынами береговые валуны. От обнажавшейся земли поднимался пряный теплый парок. Южные склоны усеяли скромные первоцветы. Пение птиц и журчание сотен ручейков сливались в один торжественный гимн, славящий новый цикл жизни.

Радуюсь весне, казаки распевали дедовские песни:

Жаворонки, прилетите,

Красну весну принесите!

Нам зима надоела, весь хлеб переела!

Всю куделю перепряла,

Всю солому перемяла...

Питались тетеревами, токовавшими в соседнем березняке. Волнительно было входить в эту рощу ранним утром, когда она наполнялась брачными песнями петухов с характерным глухим шипением на конце: «чу-фыш,

чу-фыш». Им, робкими чистыми переливами, отвечали курочки: «кр-лью, кр-лью».

Доверчивые птицы, несмотря на ежедневные потери, и не думали покидать рощицу. Облепив ветки, сидели-висели, кто боком, кто вверх ногами, и часами склевывали разбухшие почки. Вытягивая после выстрела шеи, они удивленно вертели головами и слетали с дерева лишь, когда стрелок выходил из укрытия, чтобы поднять очередного петуха с лирообразным хвостом. Курочек не стреляли – им скоро высиживать потомство.

Доски для бортов и брусья для остова будущего судна распускали на козлах. Брусья складывали в большую яму, обмазанную глиной и заполненную речной водой. Потом в костре докрасна калили крупные валуны и сталкивали их в неё. Пробыв в горячей воде пару часов, листовничные брусья становились гибкими и податливыми. Из них на специальных упорах гнули каркас, а согнув, стягивали верёвками и укладывали для просушки. Когда брус высыхал, он сохранял установленный изгиб навечно.

Работалось дружно, с настроением. И как-то так выходило, что любое дело, любая заготовка получались с первого раза. Казаки были отменными плотниками и управлялись топором не хуже, чем шашкой. Доски в борта ложились одна к одной, словно влитые. Когда струг подсох, его просмолили: дно сплошь, а борта по стыкам. На края бортов приладили упоры для весел-гребей и установили мачту. Квадратный парус приготовили, но решили пока не ставить – на речке в нём нужды не будет.

Команда состояла из восьми человек: штабс-капитан Тиньков, есаул Суворов, ротмистр Пастухов, мичман Темный, поручик Орлов, юнкер Хлебников и два унтер-офицера – близнецы Овечкины.

Отплыли в Вознесение, что на сороковой день после Пасхи. Большая вода понесла их встречу солнцу с такой скоростью, что экипажу оставалось только, налегая на греби и кормовое весло, огибать лобастые камни, торчащие из покрытой упругими завитками водоворотов реки.

Пришедшие проводить товарищей казаки и Лосев с женой едва успели прощально махнуть, как струг с новоиспеченными матросами и мичманом, гордо восседавшим на корме в полинялой фуражке с золотым крабом на околыше, скрылся за поворотом.

– Ой, страх какой! – с дрожью в голосе прошептала Соня, и крепко прижалась к мужу. – Что-то будет... Чем вызвала некоторое замешательство у того. Еще бы! Было с чего – она всегда отличалась спокойствием и невозмутимостью. Казалось, не существовало такого события, которое могло бы взволновать ее, а тут вдруг столько эмоций.

Поначалу Лосев, уставший от неустроенности быта, относился к ней как к домработнице – в его сердце всё-таки теплилась надежда на воссоединение с семьей, оставленной во Владивостоке. Однако молодая якутка так бескорыстно служила ему, предугадывая любое его желание, что он не заметил, как она стала для него дорогим и любимым человеком.

* * *

К вечеру прошли более шестидесяти верст – прибрежные виды менялись с калейдоскопической быстротой. Мелькали каменные утесы, крутобокие горы, склоненные к воде деревья. Возбужденные удачным началом сплава, офицеры то и дело нахваливали мичмана за хорошую идею. Пешком, пусть даже на лошадках, они в лучшем случае прошли бы не более тридцати верст, да еще умаялись бы в усмерть. А тут благодать – река сама несет.

На следующий день после полудня послышался подозрительный гул. Мичман Тёмный встревожился: он догадался, что это может означать. Отдав команду грести к берегу, сам влез на рею мачты. С нее попытался разглядеть, далеко ли пороги, но лесистый утёс закрывал обзор. Скорость течения нарастала, и гребцы, хотя и прилагали все силы, никак не могли сойти со стремнины. За утесом русло выпрямилось, и река, словно стрела, выпущенная из туго натянутого лука, устремилась туда, где поток, обрываясь, исчезал в клубах водяной пыли.

Под аркой радуги, перекинутой через речку, где-то внизу, кипела, стенала, в невидимом котле, вода. Мириады мельчайших капелек-брызг парили над всем этим ревушим безумием.

Оцепенев, люди вперили немигающие взгляды в клубящийся ад – им ничего не оставалось, как только ждать, чем все завершится. Один юнкер пал на колени и, осеняя себя крестным знаменем, стал молить Николая-Угодника о помощи и спасении.

Река тем временем стремительно несла неподвластный людям струг.

– Держись, ребята! Авось не пропадем! – Прокричал штабс-капитан, но его голос тонул в сплошном реве низвергающейся в пропасть воды. Судно, распластавшись раненой птицей, на миг зависло в воздухе и, сверкнув мокрыми боками, рухнуло в белесую бездну Бурлящий котёл выплюнул с ключьями пены обломки струга, мачту, пузатые мешки.

Цепляясь за них, офицеры один за другим выгребали к песчаной косе и выползали на берег все в ссадинах и кровоподтеках. Выбравшийся первым, юнкер Хлебников пал на колени и, сплёвывая кровь из разбитого рта, поцеловал землю, шепча слова благодарности милостивому Николаю Чудотворцу.

– Знатно покупались?! – прокричал мичман, пересиливая рев водопада.

– Кретин! Флотоводец хренов! Не мичман ты, а поломойка! А мы болваны – нашли кому довериться! – Заорал на вытянувшегося в струну мичмана озверевший штабс-капитан. Он замахнулся было, чтобы врезать тому, но, совладав с собой, лишь яростно ткнул кулаком в грудь.

– Я ж говорил, на лошадках надо, так нет – вам свои вещи носить тяжело. Зато теперь и носить нечего, и золото пропало, – напомнил юнкер Хлебников, массируя ушибленное плечо. – Спасибо Чудотворцу, что самих уберег!

– А я, господа, плавать научился. Такой вот сюрприз! – пытаюсь разрядить обстановку, пророкотал есаул Суворов.

– Да уж, удивительный сюрприз – лапки кверху, мордой вниз, – с горькой иронией пошутит штабс-капитан. – Зря мы от якута про сплав скрывали. Он, наверняка, о водопаде знал – предостерег бы.

– Чего теперь, господа, после драки кулаками махать? Давайте лучше пройдем по берегу, может, что прибило, – предложил есаул.

Как ни странно, гул по мере удаления от водопада нарастал. Вскоре стало ясно, почему. Сажень в ста находился второй водослив, еще более внушительный и страшный. Тысячи лет назад гигантская сила сместила земные пласты и образовала каменные уступы, а река со временем выбила под ними внушительные котлы.

Пройдя немного, увидели котомку Суворова, зацепившуюся лямкой за сучкастую коряжину. Пришлось опять лезть в воду. Зато теперь у них были пара рубашек, казачьи, с желтыми лампасами, брюки, моток веревки, нагайка, хромовые сапоги, кружка, миска, ложка. Одну рубашку сразу разорвали на ленты и перевязали рану на руке ротмистра.

Подойдя ко второму падуну, невольно залюбовались мощью и красотой низвергающейся массы. Эмоциональный поручик тут же продекламировал Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик —

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык...

Глядя на беснующуюся стихию, офицеры поняли: ниже искать что-либо бессмысленно и, не сговариваясь, ступая шаг в шаг, пошли цепочкой обратно к гарнизону. До него было изрядно – верст семьдесят пять, не меньше.

– В любом благоприятном событии есть отрицательный момент, как, впрочем, и наоборот. Вчера радовались скорости течения, а сегодня проклинаяем его. Нет абсолюта – все относительно, – философствовал на ходу поручик.

Чуть выше злосчастного водопада на высоком берегу наткнулись на груды поваленных в беспорядке трухлявых брёвен – все, что осталось от строения. Пытаясь найти что-нибудь полезное, а в их положении полезным могло быть многое, раскидали их.

Порывшись, в покрытой древесной трухой, земле обнаружили казачью пряжку, пять свинцовых круглых пуль и еще какие-то до неузнаваемости изъеденные временем предметы. Потянув за ржавую скобу, сдвинули некое подобие крышки. Под ней лежали рядышком три приличного вида пищали и сабля.

– Выходит, не только мы здесь пострадали, – заметил один из близнецов, – и до нас тут люди горюшка хлебнули.

– Господа, это ж исторические раритеты! Прекрасные экспонаты для музея! – поглаживая клинок, восторгался поручик. – Какая изумительная резьба, какой изящный изгиб у клинка! Столько лет лежит, и даже намека нет на ржавчину! Похоже, сталь булатная. А пищали каковы! С фитильным замком, стволы с винтовым нарезом. Может, возьмем?

– Вы, что, поручик, умом тронулись? Кто такую тягу понесет? – Урезонил есаул. – Вот саблю можно – вещь полезная.

– Не представляю, как прежде казаки с такими тяжеленными пищалями до Ламского моря ходили. Еще и пушки с ядрами волокли, – продолжал восхищаться Орлов.

– Я тоже об этом думал. Крепкая все же порода – казаки. Даже сопливые девчонки сразу сообразили, с кем им спокойней и вернее семью строить – казачьему сословию предпочтение отдали. Нутром учуяли их надежность и хватку, – напомнил ротмистр Пастухов.

– Кто-то из великих, кажется, Лев Толстой сказал, что Россию построили казаки. Согласитесь, в этом большая доля правды, – добавил поручик.

Пока рылись в трухе и разглядывали найденное, путники в мокрой одежде продрогли и уже собирались двинуться дальше, но копнувший напоследок ообломком ветки Суворов

увидел кончик ремня, торчащего из-под плахи. Все замерли. Приподняв ее втроём, вытащили покоробившуюся кожаную сумку. В ней оказались хорошо сохранившиеся шило, огниво, дратва, пара свечей и сносного вида плоский берестяной чехол, в котором лежали несколько листов бумаги в коричневых разводах. Один был исписан. Буквы угадывались с трудом, но большую часть текста все же удалось разобрать. Это было письмо сотника по фамилии Серый из Охотского острога Якутскому воеводе.

Сотник докладывал, что вверенные под его начало служилые казаки третий год государеву жалованье не получают, а ясачный сбор справно с инородцев собирают и в казну отправляют безо всякой с их стороны шаткости. Что священник Борисов (отец Антоний) с особым рвением приводит в православие местных инородцев, по большей части якутов. Тунгусов помене, зато крестил недавно их князька Катаная. Так что велика надежда, что и они пошибче в Христово лоно пойдут.

Дальше писанного оставалось совсем мало, да и буквы размыты. Похоже, в этом месте были дата и подпись радетельного сотника.

– До чего верные царю прежде люди на Руси жили! Три года жалования не получали, а службу образцово несли, – заметил ротмистр.

– Спору нет, в те времена много лучше народ был! – откликнулся, продолжая копаться в трухе, Суворов.

– Господин есаул, может, хватит рыться в этом хламе? – произнёс мичман, нервно отмахиваясь веткой от комаров.

– Что раскомандовался? Я бы на твоём месте вообще помалкивал, – осадил его тот, вынимая из древесного мусора медную, позеленевшую от времени, монету. Потерев ее о штанину, прочел: «Денга. 1749 год».

– Если мне не изменяет память, в это время царствовала императрица Елизавета Петровна, дочь Петра Великого. Кто-кто, а она освоению окраинных земель придавала первостепенное значение, – вновь не преминул блеснуть эрудицией поручик.

По настоянию неугомонного Суворова путники принялись обследовать местность вокруг развалины и вскоре обнаружили пять изъеденных временем крестов. Почерневшие поперечины были скреплены деревянными гвоздями. Один из крестов стоял под разлапистой елью и, благодаря этому, хорошо сохранился. На нем даже разобрали вырезанную надпись:

«Помни, всяк: мы были, как вы, а вы будете, как мы».

Еще один валялся в стороне. Подняв крест, офицеры прислонили его к дереву. Суворов попытался продолжить исследования, но штабс-капитан урезонил его:

– Господин есаул, ваша любознательность похвальна, но мне кажется, дальнейшее изучение истории следует отложить до лучших времен, а сейчас давайте поспешим

в гарнизон.

Солнце уже изрядно перевалило за полдень, и люди все острее ощущали желание поесть. Известно, начало лета – бесплодное в тайге время. Ягоды, даже самые ранние, не поспели. Орехов и грибов нет и в помине. Немного заглушала голод черемша, растущая на полянках. Стебель, правда, уже жестковат, но выбирать не приходилось.

В заводи на мелководье, касаясь спинными плавниками поверхности воды, грелась стайка ленков. Пытаясь добыть хоть одного, офицеры завалили валунами проточные горловины и принялись метать в рыб камни, колотить по воде длинной увесистой дубиной, но безрезультатно. Только опять вымокли.

Попутный ветер тем временем гнал солнце на запад, натягивая на тайгу вечернюю мглу.

Чем ниже опускалось светило, тем яростней досаждал гнус. Путникам не повезло – как раз на эти дни пришелся пик их вылета. От несметной кровожадной рати все живое истерично заматалось по тайге. В поисках спасения звери заходили в речку. Над водой торчали только их

головы. Гнус буквально заедал. Проведешь рукой по щеке – она покрывается липкой кровью, перемешанной с кашицей из раздавленных насекомых.

– Господи, что творится? Кровососов, что снега в метель, – почти рыдал гуще всех облепленный кровососами поручик.

– По-моему, больше, – простонал Суворов, голова которого была обмотана запасными брюками.

– Есть предложение последовать примеру сохатых!

– А что? Чудесная мысль, – обрадовались братья Овечкины.

Раздевшись догола, они первыми кинулись в воду. Течение, охватив тугими струями, массирувало, освежало искусанные тела. Люди ощутили, как уходит накопившаяся за день усталость, раздражение, а, главное, слабеет, как будто смывается, нестерпимый зуд. Офицеры, загребая руками против течения, долго блаженствовали в воде. Какие-то рыбки мягкими губами тыкались в кожу. Дышалось полегче. Река возвратила людей к жизни, но, как только они вышли из воды, кровососы вновь атаковали их.

Пригодились огниво и кремь, найденные накануне. Развели дымокур. Иначе о сне не могло быть и речи. Чтобы костер не потух от сырого мха и листьев, наваленных для дыма, ему дали хорошо разгореться и накопить углей.

Нарубив саблей (спасибо казакам-землепроходцам!) лапника, легли спать. Для поддержания дымокура, установили дежурство. От едкого чада глаза слезились, но приходилось терпеть.

По тайге, пугая путников, время от времени разносились душераздирающие вопли какого-то зверя. Утром есаул спросил:

– Слышали, господа, как рысь вопила? Это она нас ругала за то что дымим на ее территории.

– Ел однажды. Мясо у них очень вкусное! – мечтательно вздохнул мичман.

– Еще бы! Ведь она только свежину ест – все больше беляка, если повезёт молодых олешков. К падали никогда не притронется, даже голодная.

– Я читал, что рысь на добычу прыгает с деревьев. Она на нас не нападет?

– Не бойтесь, юнкер, она не агрессивна. Но ежели разозлить, превращается в шипящую молнию – острейшие когти бьют без промаха. Слава богу, рысь очень осторожна. Как говорят, тень в тени. Всегда заранее уступает человеку дорогу, – успокоил есаул.

– Откуда вы такие тонкости знаете? – удивился поручик Орлов.

– Чай, не в пустыне жил. Всякой живности повидал.

Лишь только набравшее силу солнце выдавило из долины туман, офицеры продолжили путь.

К «верфи» подошли на исходе четвертого дня. Счастливые, обессилено повалились на скамьи под навесом. Кашеваривший во время строительства струга ротмистр, немного отдохнувший, встал. Соблюдая неписанный закон тайги, он оставил во времянке немного продуктов: крупу, соль, пластину вяленого мяса. Разожгли костер, сварили похлебку. Тут уж пригодилась посуда из котомки есаула. Единственную ложку пустили по кругу. Сумерки тем временем перешли в ночь. Жутко «захохотал», страшая обитателей тайги, филин.

– Господа офицеры, может, сразу в гарнизон? Осталось немного, тропа хорошая. Зато спать ляжем в избе, без мошкары, – предложил поручик.

– Верно, чего здесь всю ночь с кровопийцами воевать, пошли, – дружно поддержали остальные.

Проходя мимо глиняной ямы, в которой запаривали шпангоуты, смекалистый есаул обмазал лицо и руки глиной. Товарищи последовали его примеру. Теперь кровососы не страшны. Правда, подсохнув, глиняная маска полопалась, и крохотные вампиры стали забираться в трещины.

Заморосивший дождь поубавил их численность, но прибавил злости. Люди почти бежали – мысль о скором надежном убежище придавала силы. Вырвавшийся вперед поручик Орлов на развилке вместо тропы, ведущей в гарнизон, свернул на хорошо натоптанную звериную тропу. Никто из следовавших за ним в темноте не обратил на это внимания.

Тропа, как и положено, поднималась по распадку на водораздел, за которым, как они полагали, находится их поселение. Уверенные в этом люди, все дальше и дальше удалялись от гарнизона.

Минула ночь. Тяжелые, свинцового цвета тучи обложили тайгу. Провалы между холмов залило сырой мутью, из которой островками проступали макушки деревьев. Зарядил нудный дождь. Он то моросил, то затихал: уже трудно было понять, дождь или туман окружает людей.

– Господа, смею предположить – мы заблудились. Давайте общими усилиями попробуем определить, в какой стороне гарнизон, – произнес штабс-капитан, устало привалившись к дереву.

Люди были настолько измучены ночным броском, что никто не смог в ответ и слова произнести. Все находились в том состоянии, когда безразлично, куда идти – лишь бы сказали, куда.

Никто не представлял, где они сейчас находятся, и штабс-капитан Тиньков предложил спускаться по берегу бегущего среди обомшелых валунов, ключа – он выведет к речке, а там уже будет проще сориентироваться. Пройдя пару верст, люди услышали ровный плеск воды. Вдоль речушки тянулась звериная тропа. Пошли по ней.

Силы были на исходе. Приходилось часто останавливаться для отдыха. Чтобы хоть как-то заглушить голод, путники начали есть оводов.

Первым рискнул продегустировать аппетитное на вид насекомое непривередливый Суворов. Овод пришелся по вкусу, и есаул стал бить их не только на себе, но и на спинах едва стоящих на ногах товарищей. Видя, с каким удовольствием он отправляет в рот мясистых кровососов, его примеру последовали и остальные.

Лишь поручик так и не смог преодолеть врожденную брезгливость. Когда он замечал, что кто-то из спутников засыпает в рот горсть насекомых и сплевывает, как шелуху семечек, прозрачные крылышки, приступ рвоты выворачивал его внутренности. Чтобы не провоцировать чувствительный желудок, молодой человек старался больше смотреть под ноги и громко, чтобы все слышали, рассказывать:

– Братцы, я читал, что самые утонченные гурманы, чтобы поесть цыплят, кормят их две недели гречневой крупой, заваренной кипящим молоком или же вареным на молоке рисом. Тогда мясо цыплят становилось необыкновенно нежным, тающим во рту, а косточки мягкими! Запекали таких цыплят в печи, нафаршировав орехами и поливая шампанским. Подавали же к столу со спаржей, сбрызнутой лимоном...

– Орлов, Христа ради, замолчите, не то я за себя не ручаюсь! – взмолился юнкер. – Как можно про яства в нашем положении говорить?!

Продолжая поиски съестного, есаул попробовал на вкус улитку.

– Боже! Какая вкуснятина! Натуральный деликатес! – воскликнул он, проглотив студенистую мякоть. Товарищи и тут дружно последовали его примеру.

На прибрежной полянке торчали каркасы эвенкийских чумов, круги из валунов на месте очагов. Поодаль на ветвях березы горелыми хлопьями чернели тетерева. Путники бросали на них алчные взоры, да что толку – добыть-то нечем.

Пройдя ещё с версту, уткнулись в кладбище: несколько колод – бревен, расколотых вдоль на две половинки, – стоящих на четырех, и маленькая, видимо, для ребенка, – на двух столбах. На деревьях черепа оленей с рогами. Под одним из них в траве лежал медный котел с пробитым дном, несколько наконечников стрел из мамонтовой кости.

Окрыленные надеждой скорой встречи и с самими кочевниками, офицеры зашагали бойчей. На широкой галечной косе спиной к ним сидел бурый, в лохмах линялой шерсти, медведь. Он басовито рычал, одурело мотал головой и яростно махал передними лапами – отбивался от комаров, накрывших его подвижной вуалью. Невытерпев, вскочил и с ревом бросился в воду, где и остался сидеть, выставив наружу только нос и глаза.

– Насколько я осведомлен, у мишек в эту пору свадьбы, и встречи с ними опасны, — забеспокоился юнкер.

– Не волнуйтесь, голубчик. Этому уж точно не до нас, – с улыбкой откликнулся есаул, не менее яростно отмахиваясь от комаров веткой.

Вскоре путники набрали на громадный конус муравейника. Сбоку под ним зияла дыра.

– Странный подкоп? – удивился штабс-капитан, осматривая яму.

– Вроде, медвежья берлога, – предположил есаул. – Точно, берлога – вон и «пробка» валяется.

– Какая ещё пробка, от шампанского, что ли? – захихикали Овечкины.

– Из медвежьей задницы пробка. Он, пардон, выкакивает ее, когда выходит из берлоги.

– Башковитый косолапый – дом сухой, теплый и харч рядом, – похвалил зверя мичман.

Суворову тем временем посчастливилось забить посохом полусаженного ужа и тут же, разделив, съели его. Только поручик стойчески отказался от своей порции полупрозрачных, сочных долек. В речных заводях в изобилии водились лягушки, но даже крайний голод не мог заставить офицеров прикоснуться к их покрытым ослизлой кожей телам.

Глядя на одну из напыщенных квакуш, даже всеядный есаул брезгливо скривился:

– Б-р-р! Не понимаю, как их французы употребляют. Просвещенная вроде нация, а, фигурально выражаясь, – извращенцы.

Монастырь

Речушка, наконец, вырвалась из горных теснин и вывела путников на обширную равнину, упирающуюся в пологие холмы, за которыми темнели горные пики. Русло здесь разбивалось на несколько рукавов, перекрытых мощными заламами, нагроможденными паводками. Тысячи стволов, ошкуренных водой и выбеленных солнцем, торчали во все стороны, как иголки циклопического ежа. По гривке, разделявшей протоки, с трудом обошли этот хаос и побрели по росистому лугу, высматривая, куда идти дальше.

Внимание путников привлекло скопление тёмных пятен на макушке самого высокого холма. По форме и цвету они напоминали строения. В глазах изможденных горе-путешественников загорелась надежда – вдруг и вправду жильё. Самый полноводный рукав речушки, как по заказу, вел прямо к подножию этой возвышенности. Вскоре они убедились – действительно, какие-то постройки.

– Вроде якутские юрты с хотонами²³, – сказал ротмистр.

– Кроме прииска, здесь быть нечему, – возразил есаул Суворов.

– А что если это застава красных? Поскрытней надо бы идти.

Послышались треск сушняка и чьи-то шаги. Офицеры замерли. По противоположному берегу брел, не разбирая дороги, лось светло-бурого окраса. Зверь шествовал так, будто пребывал в глубокой задумчивости – громадная голова с лопатами ещё неокостеневших рогов опущена и безвольно болтается из стороны в сторону. Тоже, наверное, комарьё достало.

Переждав, когда гигант исчезнет из виду, осторожно двинулись гуськом дальше.

– А вон и старательские промывки! – обрадовано указал Суворов на давние, отчасти заросшие травой, рывины. – Что я говорил!

Когда офицеры, крадучись, стали подниматься на холм, в проеме между деревьями над строением прорисовался крест.

– Господа, это же монастырь, – прошептал юнкер Хлебников. – Причем раскольничий. Крест восьмиконечный! Красных здесь наверняка нет, а то давно б скинули.

– Что вы придумываете? Откуда возле монастыря промывки?

– Может монахи старательством, как и мы, добывают на жизнь.

Напрягая последние силы, держась друг за друга, оборванные, изъеденные комарами, люди, теперь не таясь, торопливо взбирались на холм, словно боялись, что если сейчас же не дотронуться до обросших по низу мхами каменных стен, этот мираж исчезнет, и они опять окажутся один на один с тайгой, где их стережет костлявая с косой.

У монастырской стены из земли топорщились ровными рядами мясистые ростки с морщинистыми округлыми листьями.

– Братцы, это же картошка! Ей-богу, картошка!

Оголодавший до предела поручик первым прошел через калитку во двор и без стука отворил дверь – никого! Пахнуло застоявшимся мужским потом, перемешанным с ароматом копченого мяса, пласты которого висели на деревянных крюках по стенам. Следом зашли приотставшие спутники.

– Эй, есть кто? Эй, отзовитесь! – вразнобой все громче выкрикивали люди. В ответ – тишина.

– Господа, в чугушке похлебка. Еще теплая! Вы, как хотите, а я сажусь есть. Хозяева, даст Бог, простят, – поручик снял со стены половник, с полки стопку разнокалиберных мисок.

Все были настолько голодны, что его никто не одёрнул. Штабс-капитан проследил, чтобы наливали не более одного черпака на рот.

²³ Хотон (якут.) – помещение для скотины, соединённое в целях сохранения тепла с жилой частью юрты.

– Какая вкуснятина! А нельзя ли еще? – попросили близнецы Овечкины, моментально проглотившие свою порцию.

– Ребята, совесть поимейте. Хозяевам-то оставить надо, – сказал Тиньков.

Во дворе залаяла собака.

– Вон один идет. Вроде старик, а смотри как браво шагает.

Все разом повернули головы и в узкое окно с коваными перекладами увидели гривастого мужика, чем-то напоминавшего матерого зверя. На левом плече раскачивались длинные удища, а правая рука выкидывала далеко вперед увесистый посох. Дверь отворилась.

– Спаси Христос, ангел за трапезой, – поздоровался он, как ни в чем не бывало, подавая каждому широкую, как лопата, ладонь. – Эко дело! А мне и невдомек, что гости пожаловали. И, кажись, высокородных кровей. – Старик снял потёртую душегрейку и пригладил руками взлохмаченные волосы.

– Сударь, вы уж простите нас, Христа ради, мы тут похозяйничали – харчуемся без дозволения. Сами извольте видеть, в каком состоянии. Чуть дошли, – за всех извинился юнкер Хлебников.

– Дык правильно, пошто животы терзать. Тем паче, ноне Троицын день... А я вот удумал рыбки наловить – попрасудничать. Ан нет, не берет – сыта. Вона сколь ноне комарья. Глотай, хошь лопни, – улыбнулся дед одними глазами, но так по-доброму, что мгновенно расположил к себе.

Глядя на исхудалые измученные лица пришлых, не сдержался, попенял:

– Как можно так отощать? В лесу эвон скока всего съедобного: особливо питательны коренья, борщевика. Не ведали? А надоть, коли в лес забрались. Хороши и татарник с сурепицей, желтая лилия. Ну да ладно, покуда самовар заправляю, сказывайте, откеля и куды путь держите. Не по мою ж особу явились. Можя, советом пособлю. Лучше меня здешние места никто не знат.

– Простите, отец, как вас величать? – спросил штабс-капитан.

– Родители Лексеем нарекли, но, как перва борода враз на всю харю отросла, Лешаком кликать стали. Сами гляньте, чем не Лешак, – старик ловко задрал до подбородка низ рубахи, и гости увидели густую, с проседью пополам, червявую шерсть, сплошь покрывавшую живот и грудь. – Так всё ж – што вас-то сюды завело?

Офицеры в некотором замешательстве переглянулись. Первым нашелся поручик Орлов. Сочиняя на ходу, он поведал о том, что их группа представляет собой часть комплексной экспедиции академии наук и занимается поиском следов первопроходцев на окраинных землях страны, и что уже есть уникальные находки.

Товарищи, слушая, тарасили глаза от удивления. Но поручика уже было не остановить – понесло! Хотя впоследствии он и сам не мог объяснить толком, для чего так складно врал.

– Семь дней назад, – продолжал Орлов, – наш проводник якут сбежал на лодке со всем снаряжением и провиантом.

При этих словах, жевавший ус старик недоуменно вскинул седые, кустистые брови и, недоверчиво покачивая патлатой головой, пробормотал:

– Однако ж, на якутов не похоже – боязливый народ.

Увлеченный сочинительством, поручик не обратил на эту реплику внимания:

– Теперь мы ищем проводников-тунгусов, чтобы с их помощью выбраться на Аянский тракт.

Тут простодушный Лешак и вовсе изумился:

– Это ж далече! И тунгусов ноне не сыскать. Оне сюды своих оленей токмо на зиму пригонют. Снега тута помене – оленям ягель сподручно копытить... Во! Чего вам спешить?! – осенило деда. – Здеся и дожидайтесь. А што до истории – так ее в монастыре хошь лопатой гребя. Кто основал? Кто жил? Откель те люди? Пошто забрались в эдаку глушь? Кудысь поде-

вались? Спросов уйма. Я уж скока тут живу, а ответа не ведаю. А вы учёные – разберетесь. Можя, в записных книгах че вычитаете. Оне на старом славянском писаны... Вот где загадки, а вы – трахт! Ниче тама не сыщете. Тута все интересы, не сумлевайтесь. Монастырь большой – на каждого по три кельи выйдет. Как вычитал один знакомец, тожа из дюже грамотных, тута по списочным книгам две дюжины монахов значилось, к ним еще восьмерых послушников прибавь. А вон в той постройке игумен, иеродиакон и два иеромонаха жили. Так што могу не токо вас, а, почитай, всю вашу академию принять.

Офицеры тупо кивали – для них сейчас важно было наесться и передохнуть.

– Покорнейше благодарим, отец. Останемся. В обузу не будем. Мы много чего умеем, даже золото мыть. Все отменные стрелки, были б ружья, то и дичи впрок набили б, – ответил за всех штабс-капитан.

– Эка невидаль! Да ентово добра тута целый арсенал: и луки тугие, и ружья всех калибров с огнеметным припасом. Монахи хоть и молитвенные люди, но без промысла тута не выжить. Зверя-то Господь на што в лесах поселил? Штоб людям прокорм обеспечить! А може, и оборону случалось держать. Сам я, правда, таперича больше рыбку ем. Ее сподручней жевать – зубы-то сгнили. Ох, и настрадался я от них! Ажно удавиться хотел – эдак невтерпеж порой бывало. Спасал гвоздь: прижмёшь к больному зубу, опосля в дерево забьешь – боль и уходит. А ноне благодать – саднить нечему.

Старик растянул губы в улыбке, и гости сквозь седые заросли окладистой бороды увидели розовенький, как у налима, овал десен.

– Дедусь, сколько лет вы здесь живете?

– Може сорок, може и более. Не считал.

– И все это время один?

– Один, один. Зимой, иной раз, тунгусы заглянут, а летом староверы навелят. Так што премного доволен, што остаетесь. Веть покалякать по-человечьи страсть как хочется.

– Что ж к людям не переедете? Кто вас неволит?

– Эт ты в точку попал, мил человек. Злато неволит. Оно ж как притянет, так не вырвешься... Я уж стока его намыл, што и на двух подводах не увезть, а все не брошу – така зараза.

– Знакомая история, – понимающе кивнул есаул Суворов. – Кто хоть раз мыл рыжуху, тот заболевает ею на всю жизнь. Работает как каторжник. Но не по приговору, а добровольно, старательно. Потому и зовется – старатель. И не столько желание разбогатеть движет, сколько азарт – вдруг намою или найду неслыханную залежь.

– Верно глаголешь. Откель знашь? – Удивился старик.

– Довелось два сезона бутарить.

– Я ведь, попервости, все мечтал в деревню козырным тузом возвернуться. А ноне интерес к щегольству остыл. Да меня тама, поди, давно забыли. Годки-то верно перемёрли. Эт я штой-то задержалси на белом свете. Таперича всё голову ломаю, кудыть с пользой намытое употребить. Душа просит на доброе дело, а никак не смякитю, на како, прах его побери.

* * *

Воздух от высоко стоящего светила сделался горячим. Даже в Якутии, в краю, где земля проморожена на глубину в сотни сажень, выпадают такие дни, когда хочется спрятаться от палящего зноя. Правда, лишь набезит на солнце тучка, так тут же начинаешь ежитья от холода, сочащегося из оледенелого нутра Земли.

Сегодня выдался как раз один из таких дней. Тайга нежилась в летней истоме. Мичман, насторожив самострелы на оленьих тропах в верховьях ключа Студеный, возвращался в монастырь. С Лешаком они договорились, что тот будет промышлять понизу. Старика это устраивало – подниматься вверх, к истоку ключа, ему уже было в тягость.

Шел мичман по дну распадка среди угрюмых елей, а перед его глазами неотступно стоял завораживающий блеск невиданных сокровищ. Как ни старался он избавиться от навязчивого видения, эта картина беспрестанно всплывала перед глазами.

Дело в том, что вчера дед не утерпел и показал «академикам» свои богатства, хранящиеся в закрытой на замок келье рядом с трапезной. Ему давно хотелось хоть перед кем-то похвастаться: вот мол чем владеет сын бедняка из Орловской губернии!

«Чего таиться? Покажу-ка своим приживальцам, а то неровен час помру – какой тогда от всего этого прок», – отбросил старик сомнения и не пожалел, что открылся. Наблюдая, как округлились глаза «академиков» при виде бочонков с драгоценностями, мешочков с хрусткой рыжухой, чисто вымытых самородков, сваленных прямо на пол, он получил редкое, неизъяснимое наслаждение. Быть может, именно ради таких сладостных минут и стяжают люди богатства?

Мичман, оторопевший от детской доверчивости старика, не сдержался, спросил в лоб:

– А не боитесь, что мы вас ограбим? Вы ведь совсем не знаете нас.

– Дык я, сынок, давно свое отбоился. И не дано нам знать, как лучше: так али эдак? Как душа попросила, так и поступил...

Теперь эти сокровища не давали покоя мичману.

«Зачем это богатство деду? Он им не пользуется и пользоваться не будет. А на такое количество золота можно закупить оружия, которого хватит вооружить целую армию и изгнать большевиков из Охотска и Аяна. Потом объявить побережье свободной зоной, – продолжал мечтать мичман Тёмный, – Предоставить всем государствам Тихоокеанской акватории право беспопытной торговли, а они обеспечат нашей территории, назовём её Новой Россией, международное признание. Экономика сразу бы в рост пошла. Люди сюда потянулись бы. Глядя на такое процветание, и остальные российские территории смели бы большевиков».

Сама мысль о том, что он может стать спасителем Отечества и даже, быть может, членом правительства, наполнила Темного чувством исторической значимости и высокого предназначения. Но вскоре их сменили более приземленные мысли: «Еще неизвестно, чем военная операция завершится. Большевики нашьют войск и перебьют всех. Уж если такие командиры, как Пепеляев, потерпели крах, куда нам тягаться – плетью обуха не перешибешь. Да и вообще, большой вопрос – доставят ли оружие? Американцы, шельмы, опять могут надуть... При таких деньгах лучше просто купить шхуну и уйти хоть в Японию, хоть в Америку, хоть в Австралию и основать там русскую колонию. Денег на все хватит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.